

Купер Ф.

**СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ:
МЕРСЕДЕС ИЗ КАСТИЛИИ,
или ПУТЕШЕСТВИЕ
В КАТАЙ**

Джеймс Фенимор Купер. Собрание сочинений

Джеймс Фенимор Купер

**Мерседес из Кастилии,
или Путешествие в Китай**

«Алгоритм»

1840

УДК 82/89
ББК 84(7США)

Купер Д.

Мерседес из Кастилии, или Путешествие в Китай / Д. Купер —
«Алгоритм», 1840 — (Джеймс Фенимор Купер. Собрание
сочинений)

ISBN 978-5-486-02242-5

Джеймс Фенимор Купер (1789–1851) – американский писатель, чьи произведения еще при жизни автора завоевали огромную популярность как в США, так и в Европе. В его книгах рассказывается о героизме отважных покорителей Дикого Запада, осваивающих девственную природу Америки, о трагической судьбе коренных жителей континента – индейцах, гибнущих под натиском наступающей на них цивилизации. В этом томе представлен роман «Мерседес из Кастилии», повествующий о знаменитом мореплавателе Христофоре Колумбе – путешественнике, искателе и просто мужественном человеке. Купер рисует своего героя как незаурядную личность, далеко превосходящую окружающих. Колумб не был авантюристом; он опирался на опыт и знания, умел не поддаваться суевериям. Его не пугала неизвестность, его вдохновляла и вела вперед мечта о новых открытиях. Таким он и изображен в романе.

УДК 82/89
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-486-02242-5

© Купер Д., 1840
© Алгоритм, 1840

Содержание

Глава I	6
Глава II	14
Глава III	22
Глава IV	28
Глава V	36
Глава VI	48
Глава VII	54
Глава VIII	62
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Джеймс Фенимор Купер Мерседес из Кастилии, или Путешествие в Китай

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», состав, 2009

* * *

Глава I

*От стука в ворота дрогнул весь двор,
И клич прозвучал в тишине:
«Здесь Сид Руи Диас Кампеадор¹
В доспехах и на коне!»*

Хеманс²

Что ни возьми – творения несравненного Сервантеса или другого, менее знаменитого автора, вдохновившего Лесажа³ на его бессмертный роман, глубокомысленные исторические предания или рассказы современных путешественников, – все говорят одно: постоянные дворы в Испании никогда не были хороши, а дороги – безопасны. Эти два блага цивилизации, видимо, останутся навсегда недоступными для жителей Пиренейского полуострова, ибо мы все время только и слышим о неприятностях, причиняемых путникам испанскими разбойниками и кабатчиками. Если так обстоят дела даже сегодня, вряд ли они шли лучше в середине пятнадцатого столетия, куда мы приглашаем читателя перенестись силой воображения.

В начале октября 1469 года государь Арагона Хуан де Трастамара пребывал со своим двором в Сарагосе на реке Эбро. Название этого города, видимо, произошло от искаженного имени Цезаря Августа. В наши дни он прославился благодаря мужеству своих горожан⁴. Хуан де Трастамара, или Хуан II, как его чаще называют, был одним из наиболее проницательных правителей своего времени, но сильно обнищал из-за бесконечных смут мятежных, или, вежливо говоря, свободолюбивых каталонцев. Ему стоило немалых трудов усидеть на троне. Владения его были довольно пестры: помимо родного Арагона, он правил Валенсией и Каталонией, Сицилией и Балеарскими островами, а также предъявлял довольно сомнительные права на Наварру. К этому списку можно было бы еще прибавить Неаполитанское королевство, если бы предшественник Хуана II, его старший брат, не завещал Неаполь своему незаконному сыну.

Правление короля Арагонского было долгим и беспокойным. Он почти полностью опустошил свою казну, пытаясь усмирить неумных каталонцев, и ко времени начала нашего рассказа даже не помышлял скоро добиться успеха. На деле же успех пришел к Хуану II уже через два месяца, когда внезапно скончался его соперник, герцог Лотарингский. Но человеку не дано провидеть будущее, и 9-го числа вышеупомянутого октября месяца королевский казначей был в тягчайшем затруднении: солдаты требовали жалованья, грозя разбежаться по дорогам, а в государственной сокровищнице оставалась весьма скромная сумма – всего триста энрикес, или Генрихов⁵, как называли по имени предыдущего монарха золотые монеты. Это затруднение было настолько серьезным, что по сравнению с ним даже военные дела отошли на второй план. Король созывал совет за советом, банкиров и ростовщиков задабривали и запугивали,

¹ *Сид Руи Диас де Вивар* – кастильский рыцарь, прославившийся в битвах с маврами во второй половине XI в. За свои подвиги был прозван Сидом Кампеадором, то есть Воителем. Подвиги Сиды воспеты в многочисленных народных романсах.

² *Хеманс Фелиция Доротея* (1793–1835) – английская поэтесса. Все стихотворные эпиграфы – в переводе Ф. Мендельсона.

³ *Лесаж Ален Рене* (1668–1747) – французский писатель, автор романов «Хромой бес» и «Приключения Жиля Блаза из Сантьяны». Действие последнего происходит в Испании; ...автора, вдохновившего Лесажа... – имеется в виду испанский писатель Матео Алеман (1548–1609), оставивший «Жизнеописание плута Гусмана де Альфараче».

⁴ *Сарагоса* – в 27 г. н. э. римский император Август основал на месте древнего поселения колонию Цезаря Августа; от латинского *Caesaraugusta* и произошло современное название города, жители которого в 1809 г. мужественно защищались против войск Наполеона, на что и намекает автор.

⁵ *Энрикес*, или Генрихи, – золотые монеты, которые чеканились не в Арагоне, а в Кастилии и назывались так по имени кастильского короля Генриха IV (1454–1474).

все приближенные двора пребывали в состоянии величайшей тревоги и неуверенности. Но вот период колебаний, видимо, кончился, и настало время действовать. Сгоравшие от нетерпения жители Сарагосы наконец узнали, что их король, чтобы разрядить напряженное положение, решил отправить с важной миссией посла к своему соседу и союзнику королю Кастилии.

В 1469 году на троне Кастильского королевства восседал Генрих IV, тоже из рода Трас-тамары. Он был внуком дяди Хуана II по мужской линии и, следовательно, довольно близким родственником арагонского короля. Несмотря на родство и общие семейные интересы, которые, казалось бы, должны были объединить обоих монархов, лишь постоянный обмен дружественными миссиями позволял сохранять между королевствами мирные отношения. Поэтому объявление о новом посольстве, правда, вызвало одобрение горожан, но никого не удивило.

У Генриха IV Кастильского были в то время свои заботы и затруднения, хотя он правил более обширным и более богатым королевством, нежели Арагон. Он развелся со своей первой женой, Бланкой Арагонской, чтобы сочетаться вторым браком с Хуаной Португальской, которая отличалась столь легкомысленным нравом, что не только стала притчей во языцех всего двора, но даже заставила усомниться в происхождении ее единственной дочери. Недовольство короля своей новой супругой вскоре переросло в отвращение, и в конце концов он лишил инфанту права престолонаследия. Отец Генриха тоже был женат дважды. От второго брака у него осталось двое детей: сын Альфонс и дочь Изабелла, которая впоследствии прославилась под двумя именами: Изабеллы Кастильской и Изабеллы Католической.

Расточительная беспомощность Генриха как правителя довела до того, что часть его подданных открыто восстала. За три года до описываемого нами времени королем Кастилии был провозглашен сводный брат Генриха IV, Альфонс, и в стране разразилась опустошительная междоусобная война. Война эта только что окончилась смертью Альфонса. Мир в королевстве был временно восстановлен, но Генриху IV пришлось по договору отказаться от своей дочери, вернее, дочери Хуаны Португальской, – и признать законной наследницей трона свою сводную сестру Изабеллу. Последняя уступка была сугубо вынужденной и, как и следовало ожидать, вызвала тайное и яростное сопротивление. Среди прочих интриг, затеянных королем, – вернее, его фаворитами, ибо беспечность и леность слабовольного монарха могли бы войти в поговорку, – были различные планы ограничения власти Изабеллы на тот случай, если она все-таки взойдет на престол. Для этого сначала предполагалось предложить ей в мужья одного из подданных короля, чтобы уменьшить ее влияние, а позднее – какого-нибудь подходящего иностранного принца. Таким образом, будущая свадьба принцессы была делом весьма деликатным и весьма важным для всей Испании.

Среди тех, кто домогался руки Изабеллы, был и сын арагонского короля. Поэтому, когда стало известно о предстоящем посольстве, многие не без основания решили, что оно связано с событием, имеющим для судьбы Арагона величайшее значение.

Помимо того, что Изабелла была наследницей столь завидной короны, она славилась ученостью, скромностью, благочестием и красотой; поэтому претендентов на ее руку нашлось немало. Кроме принца Арагонского, о котором мы только что упоминали, в их числе были сыновья королей Португалии, Англии и Франции. Все они при поддержке различных фаворитов Генриха IV соперничали между собой, пуская в ход обычные в придворных кругах интриги, в то время как сама принцесса, предмет всей этой борьбы и соперничества, вела себя с предельной скромностью, готовая принести в жертву долгу самые дорогие свои чувства. Пока ее царственный брат развлекался в южных провинциях, сызмальства привыкшая к одиночеству Изабелла как могла старалась устроить свою судьбу наилучшим образом. Она уже не раз попадалась в расставленные ей ловушки, из которых ускользала только благодаря помощи друзей, и под конец укрылась в Леоне. Ее временным убежищем стал Вальядолид, столица этой про-

винции, или королевства, как иногда называли Леон⁶. Но поскольку Генрих Кастильский в те дни находился неподалеку от Гранады, то обратим сначала взор туда, куда направлялись арагонские послы.

Занимался великолепный осенний день, когда торжественная процессия выехала из Сарагосы через южные ворота. Она состояла из обычного по тем беспокойным временам эскорта копейщиков, группы бородатых дворян в добрых доспехах – ибо те, кто представлял хоть какой-то соблазн для грабителей, редко пускались в путь без этой предосторожности – и длинного каравана навьюченных мулов, погонщики которых походили скорее на солдат. Пышное зрелище привлекло толпу. Вслед процессии вместе с пожеланиями успеха неслись непристойные и грубые шуточки невежественной и болтливой черни, строившей самые нелепые предположения о целях и результатах посольства. Но даже любопытству есть предел, и даже сплетни надоедают: к заходу солнца большинство забыло обо всем этом и думать, а не то что говорить. Лишь двое солдат, стоявших на страже у западных ворот, откуда начинается дорога на Бургос⁷, все еще обсуждали одно утреннее происшествие, хотя уже приближалась ночь. Чтобы как-нибудь убить время, оба достойных воина, подобно многим нерадивым часовым, придирчиво и подробно перебирали дела и события дня.

– Если дон Алонсо де Карвахаль собирается уехать далеко, – заметил старший из двух досужих болтунов, – ему придется смотреть за своими спутниками в оба! Охрана, что сегодня выехала с ним из южных ворот, – самый ненадежный отряд во всей арагонской армии, сколько бы они ни трубили в трубы и ни кичились блеском сбруи своих коней. Говорю тебе, Диего, в Валенсии нашлись бы копыя, более достойные королевского посольства, и копыеносцы, более отважные, чем эти арагонцы, но раз король доволен, простым солдатам, как мы с тобой, негоже ворчать.

– Не один ты так думаешь, Родриго. Многие говорят, что лучше бы все денежки, истраченные на придворных грамотеев, отдать храбрым воинам, которые щедро проливали кровь, усмиряя мятежных барселонцев.

– Э, сынок, с кредиторами и должниками всегда одна и та же песня! Король дон Хуан задолжал тебе десяток мараведи⁸, так ты теперь готов упрекать его за каждый истраченный им Генрих! Я вот старый солдат и давно научился вознаграждать себя сам, если казна слишком бедна, чтобы мне платить.

– Это хорошо, когда воюешь в чужой стране, – скажем, с маврами, – а здесь... Ведь и каталонцы – христиане, как мы, а иные из них такие же добрые подданные короля. Легко ли грабить своих? Это тебе не то что нехристи!

– Как раз наоборот, своих грабить в десять раз легче! Потому что у тех, кого постоянно грабят, редко остается что-либо стоящее, а те, кто этого не ждет, сами открывают перед тобой свою душу и кладовые... Погоди-ка! Кто это подъезжает к воротам в столь поздний час?

– Голодранцы, делающие вид, что на самом деле они богачи. Но поверь мне, Родриго, у всех этих плутов едва ли достанет денег, чтобы заплатить в харчевне даже за вареное яйцо к ужину.

Всадник, ехавший только с одним своим спутником немного впереди и, видимо избегавший особой близости с остальными, весело рассмеялся, услышав эти слова.

– Клянусь святым Яго, моим покровителем, – пробормотал он, – этот бродяга угадал! Он даже ближе к истине, чем мне бы хотелось. Правда, на олю-подриду⁹ и на услуги харчевника

⁶ Леон – до XIII в. самостоятельное королевство на северо-западе Испании; с начала XIII в. вошло в состав Кастилии.

⁷ Бургос – древняя столица Кастильского королевства.

⁸ Мараведи – мелкая монета; в одном Генрихе было 400–450 мараведи.

⁹ Олю-подрида – испанское блюдо, нечто вроде горячего винегрета с мясом, горохом и салом.

мы наскребем, но я весьма сомневаюсь, чтобы к концу путешествия у нас осталась хоть одна добла¹⁰.

Спутник тихо, но строго упрекнул своего товарища за неуместную веселость, а тем временем вся группа остановилась у ворот. Она состояла из купцов или, вернее, бродячих торговцев – в те дни принадлежность к тому или другому сословию было нетрудно определить по одежде. Разрешение на выезд из города у них оказалось в порядке, и заспанный, а следовательно, надежный страж не спеша приоткрыл ворота, чтобы выпустить путешественников.

Оба солдата, стоя чуть поодаль, презрительно рассматривали караван. Только испанская надменность удерживала их от насмешек над двумя-тремя евреями, которых они заприметили среди купцов. Впрочем, эти торговцы, судя по тому, что каждого сопровождали один или два спутника в одежде слуг, видимо, принадлежали к высшему сословию. Пока хозяева одаривали стражу небольшими суммами, как это было принято, когда путники выезжали за городские ворота после заката, слуги держались позади, на почтительном расстоянии. Один из них, крепко сидевший на высоком горячем муле, случайно оказался во время этой короткой остановки так близко от Диего, что болтливый от природы солдат под конец не выдержал.

– Послушай, Пепе! – обратился он к слуге, схватив его за колено с чисто солдатской бесцеремонностью. – Сколько сотен добл получаешь ты за свою службу в год и как часто хозяева меняют твою красивую кожаную куртку?

Слуга, или спутник купца, был еще очень молод, хотя могучая фигура и загорелое лицо говорили о том, что ему одинаково привычны суровые труды и жестокие испытания. Услышав дерзкий вопрос, сопровождаемый фамильярным шлепком по колену, он вздрогнул и весь напрягся. К счастью, смех Диего, видимо, смягчил его внезапный гнев, потому что солдат был одним из тех безобидных шутников, на которых трудно сердиться.

– Хватка у тебя свойская, только руки длинноваты, приятель, – спокойно ответил молодой слуга. – Хочешь дружеский совет? Никогда не давай им воли, иначе поплатишься разбитой башкой за излишнюю смелость.

– Клянусь святым Педро! Хотел бы я...

Но договорить он не успел: купцы уже проехали ворота, молодой слуга яростно прищипнул мула, и сильное животное рванулось вперед, едва не опрокинув Диего, уцепившегося было за луку седла.

– Ну и горячий мальчик! – воскликнул добродушный вояка, с трудом восстанавливая равновесие. – Я уж думал, что он вот-вот почтит меня прикосновением своей железной руки!

– Сам виноват, – отозвался его товарищ. – Ты, Диего, слишком неосторожен, и я бы не удивился, если бы этот парень сбил тебя с ног за такую наглость.

– Вот еще! Какой-то наемный слуга какого-то паршивого иудея! Посмел бы он поднять руку на солдата короля!

– А может быть, он сам солдат короля. Или будет им. В наше время с таким сложением и такими мускулами только и носить доспехи. Мне кажется, я уже однажды видел его лицо, и, знаешь, в таком месте, где трусов не встретишь.

– Что ты! Ведь это просто слуга, да к тому же щенок, только что от маменькиного подола.

– А я тебе говорю, что при всей его молодости он уже, наверно, повидал лицом к лицу и каталонцев и мавров! Ты ведь знаешь, что дворяне приучают своих сыновей к сражениям с ранних лет, чтобы сделать из них настоящих рыцарей.

– «Дворяне»! – со смехом передразнил его Диего. – Какого черта, Родриго, о чем ты говоришь? Неужели ты принял этого раба за знатного юношу? При чем здесь рыцарство? Может, ты думаешь, что это переодетый Гусман или Мендоса?¹¹

¹⁰ Добла – золотая монета, по весу равная Генриху.

¹¹ Гусман, Мендоса – фамилии крупнейших кастильских феодалов, могущество и богатство которых соперничало с коро-

– Конечно, тебе это покажется странным, а все-таки я видел это нахмуренное лицо в сражении и слышал этот резкий, ясный голос перед строем... Вспомнил! Клянусь святым Яго Компостельским, вспомнил! Иди-ка сюда, Диего, я тебе кое-что шепну...

Старый солдат отвел своего младшего товарища в сторонку, хотя поблизости никого не было, и, оглядевшись, чтобы увериться, что его никто не подслушивает, прошептал несколько слов Диего на ухо.

– Святая Матерь Божья! – воскликнул тот в ужасе и изумлении, отскочив шага на три. – Нет, Родриго, не может этого быть!

– Готов поклясться душой, – уверенно ответил Родриго. – Вспомни, сколько раз я видел его с поднятым забралом, сколько раз мчался за ним в атаку!

– Как же он стал слугою торговца?.. Нет, не верю... Превратиться в прислужника еврея!..

– Наше дело, Диего, бить, не ввязываясь в драку, видеть все, ничего не замечая, слушать и не слышать. Хоть у дона Хуана в сундуках не густо, он добрый хозяин и наш король, а потому нам надлежит быть скромными солдатами.

– Но ведь он никогда не простит мне этого шлепка по колену и моих глупых слов! Я теперь никогда не осмелюсь с ним встретиться!

– Хм! За королевским столом ты вряд ли с ним встретишься, а на поле боя он всегда рвется вперед и, наверно, не станет оборачиваться, чтобы тебя разглядеть.

– Думаешь, он меня не узнает?

– Если даже и так, не стоит огорчаться, мальчик. Таким, как он, трудно всех упомнить.

– Благослови тебя святая Мария за такие слова! Если бы он меня запомнил, я бы уже никогда не осмелился встать в строй. Так что единственное, о чем я молюсь, – это чтобы он меня позабыл. Но боюсь, он меня вспомнит: неприятное всегда долго держится в памяти.

Продолжая переговариваться, солдаты отошли от ворот, однако старший долго еще укорял своего не в меру болтливую приятеля, разъясняя ему все выгоды и достоинства скромности.

Тем временем путешественники упорно продолжали свой путь, словно стремились поскорее оставить позади небезопасные места. Они ехали всю ночь, не сбавляя хода, пока не взойшло солнце и навстречу им не начали попадаться любопытные путники, среди которых могли быть шпионы Генриха Кастильского, державшие под неусыпным надзором все дороги между Арагоном и Вальядолидом, где совсем недавно укрылась его царственная сестра. Впрочем, пока ничто не мешало этому путешествию, столь обычному по тем временам. Вскоре караван достиг границ старокастильской провинции Соррии, где все пути охраняли отряды короля Генриха, но и здесь вид купцов и их слуг не привлек внимания солдат; обыкновенных же разбойников присутствие королевских войск заставило на время убраться с большой дороги.

Молодой слуга, вызвавший столько разговоров между двумя дозорными, спокойно трусил позади своего господина, пока тот оставался в седле, или же хлопотал вместе с остальными слугами во время коротких привалов. Впрочем, к вечеру второго дня случилось одно происшествие. Примерно через час после того, как путники отъехали от харчевни, где утоляли голод и жажду олья-подридой и довольно кислым вином, веселый молодой купец, по-прежнему ехавший со своим старшим товарищем впереди, вдруг разразился громким смехом и, придержав мула, пропустил мимо себя всю кавалькаду, пока с ним не поравнялся уже описанный нами слуга. Когда они очутились рядом, слуга бросил на своего мнимого хозяина строгий, укоризненный взгляд и проговорил с суровостью, совершенно не подходившей к его роли:

– Что это значит, сеньор? Что вас заставило покинуть свое место впереди и оказаться в неподобающем окружении слуг?

– Приношу тысячу извинений, доблестный Хуан! – ответил купец, продолжая смеяться, хотя и видно было, что он всячески пытается сдержать смех из почтения к собеседнику. – Тысячу извинений! Но дело в том, что на нас свалилась еще одна напасть, прямо как в волшебных сказках и легендах о странствующих рыцарях. Наш достойный сеньор Феррера, столь опытный в обращении с золотом, потому что всю жизнь занимался покупкой и продажей ячменя и овса, только что потерял свой кошелек. Видно, он позабыл его в харчевне, когда расплачивался за черствый хлеб и прогорклое масло. Так что теперь у нас на всех едва ли наберется двадцать реалов!

– Что же здесь смешного? – возразил слуга, хотя легкая улыбка на его губах указывала, что он тоже не прочь посмеяться. – Мы ведь остались без гроша! Слава богу, что до Бурго де Осма уже недалеко и особой нужды в деньгах у нас не будет. А теперь, сударь мой, возвращайтесь-ка на свое место впереди и больше не допускайте такой фамильярности, как болтовня со слугами. Я вас не задерживаю. Поспешите догнать сеньора Ферреру и передайте ему мои сожаления и соболезнования.

Молодой человек улыбнулся, открыто и преданно глядя на мнимого слугу, в то время как последний отвел глаза, словно для того, чтобы придать своим словам должный вес. Через минуту все были на прежних местах, и путешествие продолжалось.

Быстро темнело. В такое время люди и животные обычно уже чувствуют усталость, но наши путники только сильнее прищипоривали и нахлестывали мулов и лишь к полуночи остановились у главных ворот небольшого укрепленного городка Осмы, расположенного в пределах провинции Сории, недалеко от границы с Бургосом. Ехавший впереди молодой купец тотчас забарабанил по воротам дубинкой, громко извещая стражу о своем прибытии. Тем, кто был в хвосте кавалькады, ничего не стоило осадить своих мулов, однако мнимый слуга проехал вперед и уже собирался занять место среди важных особ у самых ворот, как вдруг сброшенный со стены тяжелый камень просвистел так близко от его головы, что любой другой вспоминал бы потом всю жизнь это путешествие, едва не завершившееся на том свете. Сообразив, что их спутник просто чудом избежал гибели, все разразились криками, проклиная того, кто швырнул камень. Сам же юноша, казалось, был взволнован меньше других, и, хотя голос его прозвучал резко и повелительно, в нем не было ни гнева, ни страха.

– Эй, вы! – крикнул он. – Так-то у вас встречают путников, мирных торговцев, которые просят убежища и ночлега?

– «Торговцы, путники!» – проворчал голос со стены. – Знаем мы вас! Скажите лучше: шпионы и соглядатаи Генриха! Кто вы? Говорите скорей, а не то попробуете кое-чего поострее камня!

– Скажи, кто правит этим городом? – проговорил юноша, оставив без внимания заданный ему вопрос. – Не благородный ли граф де Тревиньо?

– Он самый, сеньор, – ответил голос сверху уже более миролюбиво. – Но что может знать о его светлости шайка бродячих торговцев? И кто ты сам, что говоришь так громко и гордо, словно гранд Испании?

– Я Фердинанд де Трастамара, принц Арагона, король Сицилии. Ступай извести своего хозяина! Пусть поспешит к воротам.

Это внезапное заявление, высказанное надменным тоном человека, привыкшего к беспрекословному повиновению, сразу изменило ход событий. Кавалькада у ворот пришла в движение: двое знатных господ, державшихся впереди, уступили первое место молодому королю, а все остальные теперь, когда нужда в маскировке миновала, быстро перестроились в соответствии с истинным положением каждого. Внимательного и скептического наблюдателя, наверно, насмешила бы поспешность, с какой всадники, особенно молодые, сбросили личину смиренных торговцев и гордо выпрямились в седлах, чтобы стать теми, кем они были на самом деле, – воинами, испытанными на турнирах и в сражениях.

Перемена на городской стене была столь же мгновенной и разительной. От сонливости стражи не осталось и следа; солдаты спешно совещались приглушенными голосами; шум удаляющихся шагов говорил о том, что во все стороны побежали гонцы. Так прошло минут десять, во время которых младший офицер приносил извинения за задержку, ссылаясь на устав и необходимость приготовлений к достойной встрече. Наконец суетня на стене и свет многочисленных фонарей возвестили о приближении губернатора, что было весьма вовремя, так как юноша у ворот от нетерпения уже бормотал невнятные проклятия и с трудом сохранял подобающую случаю сдержанность.

– Можно ли верить радостной вести, которую принесли мои слуги? – прокричал со стены голос. – Правда ли, что сам дон Фердинанд Арагонский почтил меня своим посещением в столь необычный час?

Сверху начал спускаться фонарь, чтобы получше осветить всю группу всадников у ворот.

– Скажите своему парню – пусть придвинет фонарь поближе к моему лицу! – ответил король. – Тогда вы увидите меня сами, и я охотно прощу вам эту смелость, граф де Тревиньо, лишь бы нас поскорее впустили!

– Это он! – воскликнул граф. – Я узнаю это царственное лицо: в нем слились черты его многочисленных предков-королей; я узнаю этот голос, не раз увлекавший арагонских рыцарей на полчища мавров! Пусть же трубят трубы, возвещая о счастливом прибытии! Немедля открыть ворота!

Приказ был тотчас исполнен, и юный король под звуки труб вступил в Осму, сопровождаемый усиленным отрядом почетной стражи и толпами еще полусонных и мало что понимающих горожан.

– Просто счастье, господин мой король, что мы нашли этот бесплатный ночлег! – проговорил уже знакомый нам молодой человек, дон Андрес де Кабрера, смело поравнявшись с доном Фердинандом. – После того как сеньор Феррера по небрежности потерял единственный наш кошелек – а это, к сожалению, печальная истина, – нам было бы трудно играть роль прижимистых купцов, потому что, когда люди торгуются из-за каждой мелочи, их обычно просят показать сначала деньги.

– Раз уж мы добрались до твоей родной Кастилии, дон Андрес, – улыбаясь, заметил король, – мы положимся на твое гостеприимство. Нам ведь известно, что два несравненных алмаза всегда в твоём распоряжении.

– Господин мой король! Вашему высочеству¹² угодно надо мной смеяться, хотя, по правде говоря, ничего другого я сейчас и не заслуживаю. Моя преданность принцессе Изабелле лишила меня всех моих поместий, и теперь я беднее самого захудалого всадника из арагонской армии. Какими же алмазами могу я располагать?

– А я слышал немало весьма лестных слов о двух бриллиантах, сверкающих на лице доньи Беатрисы де Бобадилья, и знаю, что они по-прежнему принадлежат тебе, насколько это допускает благосклонность благородной дамы к своему верному рыцарю.

– Ах, господин мой король! Если наше приключение кончится так же благополучно, как началось, я, наверно, и вправду буду просить вашу милость помочь мне в этом деле.

Губы короля чуть тронула обычная спокойная усмешка, но в это время к ним вплотную подъехал граф де Тревиньо и прервал их разговор.

Ночь Фердинанд Арагонский проспал как убитый, а едва рассвело, снова был в седле. Отъезд королевского кортежа из Осмы совсем не походил на его скромное прибытие. Фердинанд в рыцарском одеянии ехал на благородном андалузском скакуне; роскошные наряды его приближенных еще яснее свидетельствовали о том, кто они такие. Их сопровождал усиленный эскорт копейщиков, во главе которых встал сам граф де Тревиньо. Так они двинулись в

¹² До 1517 г. короли Испании титуловались не «величеством», а «высочеством».

путь и 9 октября достигли города Дуэньяса в Леоне, расположенного по соседству с Вальядолидом. Недовольная Генрихом местная знать поспешила изъявить свою преданность арагонскому принцу; ему были оказаны почести, соответствующие его высокому званию и еще более высокому предназначению.

Многим изнеженным в роскоши кастильцам представился случай убедиться, каким суровым воздержанием дон Фердинанд уже в столь юном возрасте – ибо ему едва минуло восемнадцать – закалял свое тело и дух, чтобы никому не уступать в бою. Самые трудные воинские упражнения были его утехой, и, пожалуй, во всем Арагоне не нашлось бы рыцаря, который мог бы превзойти его на турнире или на поле битвы. При этом природная красота дон Фердинанда нисколько не пострадала; он был истинным принцем, а потому палящее солнце, охотничьи забавы и ратные подвиги не оставили на его лице никаких следов, кроме легкого загара.

В течение четырех-пяти следующих дней благодарные кастильцы с восторгом внимали словам короля, не зная, чему отдать предпочтение: его непринужденному красноречию или осторожности в выражении мыслей. Последнее качество можно было расценить как признак преждевременной холодной расчетливости, однако у того, кому предстояло укрощать противоречивые страсти и эгоистические желания людей, это свойство было немалым достоинством.

Глава II

*Пусть соловей, в тиши ночной звеня,
Поет один, – ему внимают лес;
Тебе же петь в сиянье ярком дня
И славить всю гармонию небес;
Но мудрецу в его паренье близко
И небо и очаг в лачуге низкой.*

*Вордсворт*¹³

Если вспомнить, к какому мудреному способу пришлось прибегнуть Хуану Арагонскому, чтобы уберечь своего сына от вездесущих и безжалостных слуг кастильского короля, то станет понятно, с каким нетерпением и страхом ожидали завершения этого рискованного предприятия в самом Вальядолиде. Однако пора представить читателю тех, кто с особым вниманием следил за приближением Фердинанда Арагонского и его спутников.

Хотя в те дни Вальядолид еще не достиг столь полного расцвета, как при Карле V¹⁴, превратившем его в свою столицу, это был город древний и по тем временам великолепный, с богатыми домами и роскошными дворцами. Перенесемся же мысленно в один из таких дворцов, едва ли не самый лучший. Здесь, в резиденции знатнейшего кастильского дворянина Хуана де Виверо, две особы, еще более взволнованные, чем путники, которых мы только что оставили, с нетерпением ожидали гонца из Дуэньяса.

Покои, куда мы вас приглашаем заглянуть, обставлены с суровой пышностью того века и вместе с тем носят отпечаток изящества и уюта, который женщины обычно придают любому отведенному для них помещению. В 1469 году Испания уже приближалась к завершению великой борьбы, продолжавшейся семь столетий, – борьбы христиан и мусульман за господство над Пиренейским полуостровом. Арабы долгое время владели югом Леона, и во дворцах Вальядолида осталось немало следов их варварской роскоши. Высокий резной потолок описываемого нами покоя, правда, не мог соперничать с потолками мавританских дворцов, но и он явно говорил о том, что мавры здесь побывали; впрочем, и само название города, Вальядолид – искаженное «Велед-Алид», слово чисто арабского происхождения.

Сейчас в этом покое главной резиденции Хуана де Виверо в древнем городе Вальядолиде две женщины вели серьезный и, видимо, глубоко волновавший их разговор. Обе были юны и каждая по-своему красива той красотой, которая покоряет везде и во все времена. Одна была поразительно хороша. Ей шел всего девятнадцатый год – возраст, когда женщина под щедрым солнцем Испании достигает полного расцвета, – и совершенством форм она не разочаровала бы даже самого придиричивого испанского поэта, привыкшего к прославленной красоте своих соотечественниц. Рука, ножка, грудь, каждая линия были исполнены женственной прелести, в то время как рост, для мужчины, может быть, и не высокий, был вполне достаточным, чтобы придать всему ее облику спокойную, царственную величавость. Со стороны трудно было решить сразу, что производило в ней большее впечатление: физическое совершенство или одухотворенность, светившаяся в каждой черточке ее красивого лица. Она родилась под солнцем Испании, однако длинный ряд ее предков королевской крови восходил к готским властителям. Это, а также многочисленные браки дедов и прадедов с принцессами иных стран

¹³ *Вордсворт Уильям* (1770–1850) – английский поэт, современник Байрона.

¹⁴ *Карл V* – внук Фердинанда и Изабеллы, король Испании (1516–1556) и германский император.

привело к тому, что в ней смешались северный блеск с южным очарованием, что, видимо, и соответствует идеалу женской красоты.

Наряд принцессы был прост, ибо мода того времени, к счастью, позволяла не скрадывать природные достоинства, и лишь ткани платья отличались богатством, подобающим ее высокому положению. На белоснежной груди принцессы сверкал бриллиантовый крестик на короткой жемчужной нитке, а на пальцах, скорее отягощая их, чем украшая, ибо такие руки не нуждались ни в каких украшениях, блестело несколько колец с драгоценными камнями. Такой была Изабелла Кастильская в дни своего девичьего гордого одиночества, когда она ожидала исхода событий, которые должны были решить не только ее судьбу, но и все будущее человечества вплоть до наших времен.

Ее собеседницей была Беатриса де Бобадилья, подруга детства и отрочества Изабеллы, оставшаяся ближайшей наперсницей королевы до самой ее смерти. Эта девушка была немного старше принцессы. Она представляла собой более ярко выраженный испанский тип, так как, хотя она тоже принадлежала к древнему и знатному роду, у ее семьи не было необходимости в столь частых браках с иностранными домами, как у ее царственной госпожи. У Беатрисы были темные волосы цвета воронова крыла и черные искрящиеся глаза, говорившие о душевной доброте и непреклонной решимости, отмеченной и оцененной историками того времени. Ее юная фигура, так же как у Изабеллы, казалась воплощением женственной грации, созревшей под щедрым солнцем Испании, только осанка была не столь величава да черты лица при всей их правильности менее совершенны. Короче говоря, природа наделила принцессу и ее знатную подругу изяществом, душевным величием и красотой именно с теми различиями, какие, по мнению людей, соответствовали их положению в обществе. Впрочем, если рассматривать их только как женщин, трудно сказать, кто из них в конечном счете был привлекательнее.

В тот момент, когда мы застаем наших героинь, Изабелла, освеженная утренним умыванием, сидела в кресле, слегка опершись на одну его ручку. Вся ее поза выражала глубокое внимание и доверие к собеседнице, которая устроилась на низенькой скамеечке у ее ног. Беатриса де Бобадилья почтительно наклонилась вперед, словно хотела, чтобы прекрасные локоны принцессы смешались с ее черными кудрями. В комнате больше никого не было, и читатель легко поймет по всякому отсутствию церемонности и столь свойственной испанцам сдержанности, что разговор между двумя женщинами был сугубо секретным и тон его определялся искренними чувствами, а не правилами придворного этикета.

– Ах, Беатриса, я молила Бога, чтобы Он подсказал мне правильное решение в этот трудный час! – проговорила Изабелла, продолжая давно уже начавшуюся беседу. – И мне кажется, что сделанный мною выбор пойдет на благо в равной степени и мне и моим будущим подданным.

– Кто же посмеет его оспаривать! – отозвалась Беатриса де Бобадилья. – Кастильцы так любят вас, что никто не стал бы противиться вашей воле, даже если бы вы пожелали выйти замуж за турецкого султана.

– Скажи лучше, что это ты меня так любишь, добрая моя Беатриса, – с улыбкой возразила Изабелла, поднимая голову. – Наши кастильцы, может быть, и простили бы мне такой грех, но я сама никогда не простила бы себе забвения того, что я христианка. Ах, Беатриса, необходимость сделать выбор была для меня жестоким испытанием!

– Ну, теперь испытания скоро останутся позади. Святая Мария! Сколько же легкомыслия, тщеславия и самомнения было у тех, кто до сих пор надеялся стать вашим мужем! Еще ребенком вас обещали в жены дону Карлосу¹⁵, который был так стар, что годился вам в отцы. А потом, словно этого одного было мало, чтобы взбунтовать кастильскую кровь, они выбрали вам

¹⁵ *Дон Карлос* (Карлос де Виана) – пасынок Хуана II Арагонского; в 1461 г. был отравлен, причем народная молва обвиняла в этом Хуана II.

второго жениха, короля Португалии, хотя он был еще старше и сошел бы за вашего дедушку! Донья Изабелла, я люблю вас так, что ваше счастье мне дороже спасения собственной души, но больше всего я уважаю вас за благородную, отнюдь не детскую решимость, с которой вы разрушили низкие замыслы тех, кто пытался выдать вас за португальца!

– Не забывай, дон Энрике мой брат, Беатриса, а также твой и мой господин...

– Ах, как смело тогда вы ответили им всем! – восторженно сверкая глазами, продолжала Беатриса де Бобадилья, пропустив мимо ушей кроткий упрек своей госпожи. – И как это было достойно принцессы королевского рода Кастилии! «Инфанта Кастильская, – сказали вы, – не может располагать собой без согласия грандов королевства». И тогда им пришлось удовлетвориться этим достойным ответом.

– Зато теперь, Беатриса, я собираюсь распорядиться судьбой инфанты Кастильской, даже не испрашивая совета у грандов.

– Не говорите так, превосходная госпожа моя! От Пиренеев до самого моря не найдется ни одного истинно благородного рыцаря, который бы от всего сердца не одобрил ваш выбор. В таких делах большое значение имеют возраст, характер и прочие качества избранника. Если дон Альфонс Португальский¹⁶ не стал да и не станет законным мужем доньи Изабеллы Кастильской, что же сказать о другом претенденте на вашу руку, об этом доне Педро Хироне, магистре ордена Калатравы!¹⁷ Поистине достойный супруг для принцессы королевской крови!.. Но хватит о нем. С таким же успехом какой-нибудь Пачеко может вообразить, что девушка из семьи Бобадилья самая подходящая пара для возвышения его рода!

– Немыслимый союз с доном Альфонсом навязывали моему брату его недостойные фавориты. Но Бог в святом гневе сумел разрушить их козни, до срока отправив избранного ими жениха в могилу, когда тот меньше всего этого ожидал!

– Вот если бы Господь Бог по своему милосердию прибрал так же и дона Педро! Тогда не пришлось бы думать о других способах.

– И не надо о них думать, Беатриса! – строго и в то же время с сочувственной улыбкой возразила принцесса, касаясь руки своей подруги. – Эта маленькая ручка не создана для подобных дел, сколько бы ты ни грозилась.

– Нет, эта ручка сделала бы то, о чем говорит ее владелица! – блеснув глазами, ответила Беатриса. – Она бы не допустила, чтобы Изабелла Кастильская стала несчастной супругой великого магистра Калатравы. Подумать только! Чистейшую, прелестнейшую деву Кастилии, к тому же королевской крови – да что там крови, законную наследницу трона! – хотели принести в жертву какому-то подлому распутнику лишь потому, что дону Генриху угодно было сделать этого проклятого еретика своим фаворитом, позабыв о монаршем долге и святых обязанностях!

– Ты опять забываешься, Беатриса! Дон Энрике наш король, повелитель и мой царственный брат.

– Я помню, сеньора, что вы царственная сестра нашего повелителя и короля, но помню также и то, что Педро де Хирон, или Пачеко, как ни называй этого бывшего пажа-португальца, недостойн даже сидеть в вашем присутствии, не то что быть вашим законным супругом. Боже, какие это были ужасные дни, когда моя милостивая госпожа, не вставая с колен, молилась, чтобы ее миновала чаша сия! Но Бог этого не дозволил, да и я бы не допустила! Мой кинжал пронзил бы его сердце прежде, чем он услышал бы брачный обет Изабеллы Кастильской!

– Прошу тебя, милая Беатриса, хватит об этом! – вздрогнув, проговорила Изабелла и перекрестилась. – Поистине то были дни скорби, но они были посланы мне в испытание, и я

¹⁶ Альфонс Португальский (1433–1481) – с 1438 г. король Португалии.

¹⁷ Магистр ордена Калатравы. – В войнах с маврами в Кастилии возникло несколько духовно-рыцарских орденов, обладавших огромными богатствами. Одним из самых могущественных был орден Калатравы, во главе которого стоял магистр Педро Хирон, брат фаворита Генриха IV – Хуана Пачеко.

о них не жалею. Ты знаешь, зло было отвращено от меня, но главное – я убедилась, что наши молитвы сильнее всяких кинжалов. И если уж тебе так хочется говорить о моих поклонниках, то среди них наверняка найдутся люди более достойные.

Темные глаза Беатрисы сверкнули, и в углах нежных губ затаилась улыбка. Она прекрасно понимала, что ее царственной, но застенчивой подруге очень хочется услышать что-нибудь о том, на ком в конце концов остановился ее выбор.

Обычно Беатриса всегда шла навстречу желаниям своей госпожи, но сегодня из чисто женского лукавства она решила не торопясь перебрать одного за другим всех претендентов на руку принцессы.

– Ну, потом был еще герцог Гиеньский, брат французского короля Людовика, – продолжала Беатриса с невинным видом. – Он очень хотел стать мужем будущей королевы Кастильской! Но скоро все кастильцы убедились, насколько опасен такой союз. Их гордость возмутилась при мысли, что Кастилия может сделаться ленным владением Франции.

– Такое унижение никогда бы не постигло нашу возлюбленную Кастилию, – с достоинством возразила Изабелла. – Даже если бы я вышла за самого французского короля, ему пришлось бы считаться со мной, как с королевой нашего древнего государства. Я не позволила бы ему смотреть на себя как на свою подданную!

– Потом, сеньора, был еще ваш родственник, дон Рикардо Глостерский, – продолжала Беатриса, вглядываясь в лицо Изабеллы и еле сдерживая смех. – Тот самый, про которого говорят, что он родился с полным ртом зубов и вынужден таскать на спине и без того достаточно тяжкую ношу¹⁸. Этому жениху остается лишь благодарить своего ангела-хранителя за то, что тот не взвалил на него еще и бремя управления Кастилией!

– У тебя слишком злой язык, Беатриса. Мне говорили, что дон Рикардо благородный и честлюбивый принц, и когда-нибудь он, наверно, женится на принцессе, чьи достоинства вознаградят его за неудачу в Кастилии. Но оставим его. Что ты можешь сказать о других претендентах?

– Что же мне еще сказать, возлюбленная госпожа моя? Мы дошли уже до дона Фердинанда, по счету последнего, но на деле самого первого и, как мы знаем, самого лучшего из всех.

– Остановив свой выбор на доне Фердинанде, я исполнила долг, налагаемый на меня моим положением, – скромно заметила Изабелла, словно смущенная тем, что ей приходится самой заботиться о своем замужестве. – Я думала о будущем страны. Ничто не может лучше обеспечить мир нашему возлюбленному королевству и победу христианскому воинству, как объединение Кастилии и Арагона под одной короной...

– ...и соединения их государей священными узами брака, – с почтительной важностью закончила Беатриса, хотя улыбка по-прежнему играла в углах ее рта. – Конечно, разве ваша вина, что дон Фердинанд случайно оказался самым юным, самым красивым, самым смелым и самым привлекательным принцем? Чистейшая случайность! Вы ведь его не выбирали, вы просто согласились назвать его своим супругом.

– Нет, это уже переходит все границы скромности и почтительности! – воскликнула Изабелла; она попыталась принять строгий вид, но вместо этого залилась ярким румянцем; перечень достоинств избранника, видимо, обрадовал ее и встревожил. – К тому же ты знаешь, добрая моя Беатриса, что я ни разу не видела своего кузена, короля Сицилии¹⁹.

– Совершенно верно, сеньора. Зато его видел преподобный Алонсо де Кока, а более острого глаза и более меткого языка, пожалуй, не сыскать по всей Кастилии!

¹⁸ *Рикардо Глостерский* – герцог Глостер, позднее английский король Ричард III (1438–1485); был от рождения горбат, на что и намекает Беатриса.

¹⁹ Фердинанд носил титул короля Сицилии, хотя фактически этим островом правил его отец, Хуан II, арагонский король.

– Беатриса, я прощаю тебе твою дерзость, ибо знаю, что ты меня любишь и что мое счастье тебе дороже даже благополучия моего народа, – серьезно проговорила Изабелла, слегка задетая этими словами. – Ты знаешь или, во всяком случае, должна была бы знать, что принцесса королевской крови, думая о браке, должна прежде всего заботиться об интересах государства и что праздные капризы деревенской девки не имеют ничего общего с моим долгом. Да что говорить! Разве девица из благородной семьи вроде тебя самой не обязана считаться со своей семьей, выбирая мужа? И если среди многих принцев я выбрала дону Фердинанда Арагонского, то потому только, что этот союз больше других отвечает интересам Кастилии. Видишь ли, Беатриса, кастильцы и арагонцы происходят от одного корня, у них одинаковые нравы и обычаи, они говорят на одном языке...

– О нет, дорогая моя госпожа, не путайте чистый кастильский язык с наречием горцев!

– Пожалуйста, можешь язвить, если хочешь, но все равно нам будет гораздо легче научить чистому испанскому языку арагонцев, нежели галлов. Кроме того, мы с доном Фердинандом одной крови: род Трастамары происходит из рода кастильских правителей, так что можно надеяться, что с королем Сицилии мы сумеем объясниться.

– Если он не будет на это способен, значит, он не настоящий король! Если он утратит дар речи, когда дело пойдет о царственной невесте, чья красота превосходит красоту зари, чьи совершенства выше всех земных совершенств, чья корона...

– Полно, полно, Беатриса! Ты слишком увлеклась своим красноречием: подобная лесть не достойна ни тебя, ни меня.

– И тем не менее я говорю только то, что у меня на сердце, донья Изабелла!

– Верю, добрая моя Беатриса, однако нам обоим не следует забывать совет, который дал нам наш духовный наставник после исповеди. Если вспомнить, как часто ему приходится прощать наши многочисленные прегрешения, то вряд ли мы достойны столь лестных речей. А что касается моей свадьбы, то знай: я согласилась на нее лишь после здравых размышлений, как наследница трона.

– Разумеется, моя добрая повелительница, высокочтимая госпожа! Я счастлива, что высокий долг заставил вас остановить свой выбор на короле Сицилии, тем более счастлива, что все мои друзья в один голос утверждают, будто из его спутника, дон Андреаса де Кабрера маркиза де Мойя²⁰, при всей его ветрености и легкомыслии тоже выйдет превосходный муж для Беатрисы де Бобадилья!

Сдержанная и гордая Изабелла все же имела наперсниц, и у нее тоже бывали минуты откровенности; Беатриса принадлежала к числу ее ближайших подруг, и как раз сейчас пришла такая минута. Поэтому Изабелла только улыбнулась в ответ на шутивную речь Беатрисы и, отведя прекрасной рукой темный локон с ее лба, заглянула ей в глаза, как растроганная мать смотрит на своего ребенка.

– Если ветреник женится на такой же ветренице, то твои друзья правы, – проговорила она. Затем, немного помолчав, словно вдруг охваченная глубокой задумчивостью, она продолжала уже совсем иным, серьезным тоном, хотя робость, затуманившая ее лицо, и нежное сияние глаз свидетельствовали, что сейчас она говорит скорее как женщина, а не как королева, озабоченная только благом своих подданных. – Никогда не думала, что я, инфанта Кастильская, буду так смущена предстоящим свиданием! Но, чем ближе этот час, тем больше я волнуюсь. Тебе, моя верная Беатриса, я признаюсь: будь король Сицилии так же стар, как дон Альфонс Португальский, так же хил и женоподобен, как монсеньер де Гиень, короче – будь он не столь молод и привлекателен, встреча с ним не вызывала бы у меня такой неловкости.

²⁰ *Андрес де Кабрера маркиз де Мойя* и его будущая жена Беатриса были надежными помощниками Изабеллы в ее борьбе за престол.

– Какое странное пожелание, сеньора! Признаюсь, я бы не хотела, чтобы мой дон Андрес был хотя бы на час старше – возраст у него, по-моему, самый подходящий – и уж тем паче, чтобы этот честный рыцарь утратил хоть одно из своих достоинств, телесных или духовных, которыми можно гордиться.

– Но ведь у тебя, Беатриса, совсем другое положение! Ты знаешь маркиза де Мойя, не раз слышала его речи и привыкла к его похвалам и любезностям!

– Святой Яго, покровитель Испании! Не бойтесь этого, госпожа моя: к похвалам и восхищению привыкнуть легче всего!

– Согласна, дочь моя, – отозвалась Изабелла, которая часто называла так свою подругу, хотя сама была моложе ее; позднее, когда она сделалась королевой, это стало обычным ее ласковым обращением к приближенным придворным дамам. – Согласна, но только в том случае, если похвалы и восхищение идут от души и соответствуют истине. Еще неизвестно, что подумает обо мне дон Фердинанд после первой встречи. Я знаю, что он красив, смел и благороден, что он великодушен и тверд в делах веры, что род его так же высок, как его добродетели, – все это я знаю и дрожу при мысли, что окажусь недостойной стать его супругой и королевой.

– Боже милостивый! Хотела б я видеть хоть одного арагонского дворянина, который посмел бы произнести столь дерзостные слова! Ах, сеньора, если дон Фердинанд знатен, то ведь вы еще знатнее, потому что происходите от старшей ветви того же рода; если он молод, вы еще моложе; если он умен, то вы еще умнее; если он пригож, то вы – скорее ангел, чем женщина; если он доблестен, то вы добродетельны; если он изящен, то вы – сама грация; если он великодушен, то вы добры... нет, вы сама доброта; и если он тверд в делах нашей веры, то вы просто святая!

– Полно, Беатриса, полно, хватит! Ты бессовестно льстишь мне. Надо бы тебя побранить за пустые речи, но я знаю, что ты говоришь от чистого сердца.

– Вы слишком скромны, высокочтимая госпожа моя, и потому, замечая достоинства других, часто забываете о своих собственных. Пусть он явится во всем блеске и великолепии своих титулов, – я знаю, что в Кастилии найдется принцесса, которая затмит его и собьет с него спесь, даже если предстанет перед ним лишь с тем, чем ее наделила природа.

– Постой, Беатриса, я ведь ничего не говорила о спеси дон Фердинанда и меньше всего подозреваю его в таком низком пороке. А что касается блеска и великолепия, то мы обе знаем, что при всех настоящих и будущих королевских титулах дон Фердинанда золота в Сарагосе не больше, чем в Вальядолиде. Тем не менее, несмотря на все твои глупые, хоть и дружеские речи, я продолжаю сомневаться, но не в короле Сицилии, а в самой себе. Любого другого принца любой христианской страны я могла бы, наверное, принять холодно или, во всяком случае, так, как приличествует моему полу и положению, но при мысли о том, что подумает обо мне мой благородный кузен, меня бросает в дрожь!

Беатриса слушала с величайшим интересом и, когда ее царственная подруга умолкла, почтительно поцеловала ей руку и прижала к своей груди.

– Пусть лучше дон Фердинанд дрожит, боясь ваших суждений! – ответила она.

– О нет, Беатриса! Мы ведь знаем, что ему бояться нечего: все, что нам известно о нем, говорит в его пользу... Но к чему тратить время на сомнения и предположения? Не следует забывать о своих обязанностях. Отец Алонсо, верно, уже дожидается нас, пойдем к нему!

Принцесса и ее подруга поднялись и отправились во дворцовую часовню, где их исповедник служил мессу. Молитва успокоила Изабеллу, ее робкая душа вновь обрела уверенность. Когда маленькая группа вышла из часовни, запыхавшийся слуга доложил, что прибыл гонец с давно ожидаемым известием: король Сицилии благополучно добрался до Дуэньяса! Теперь все сомнения остались позади. Он находился среди верных ему людей, и откладывать дальше брачную церемонию уже не было никаких оснований.

Известие это безмерно взволновало Изабеллу. Как никогда, она нуждалась в заботах Беатрисы де Бобадилья чтобы с ее помощью обрести внутреннее и внешнее спокойствие, обычно делавшее ее столь привлекательной. Несколько часов, проведенных в размышлениях и за молитвой, постепенно вернули мир ее душе, и вскоре обе подруги вновь встретились в той самой комнате, где читатель увидел их впервые.

– Ты видела дона Андреса де Кабрера? – спросила Изабелла, отнимая руку ото лба, который она поглаживала, пытаясь сосредоточиться.

Беатриса де Бобадилья вспыхнула, затем расхохоталась с такой свободой и откровенностью, какую могла себе позволить только давняя любимица принцессы.

– О да! – ответила она. – Для юноши под тридцать и для воина, утомленного битвами с маврами, дон Андрес сохранил удивительную прыть! Ведь это он принес долгожданную весть, а заодно свою собственную любезную персону в подтверждение истинности своих слов. Несмотря на всю свою опытность, он на редкость многоречив, поэтому, пока вы, моя высокая госпожа, размышляли в уединении, мне оставалось только слушать о всяких чудесах этого путешествия. Похоже, что они добрались до Дуэньяса как раз вовремя: свой единственный кошелек они то ли потеряли, то ли его ветром унесло, – такой он был легкий!

– Надеюсь, этой беде помогли, – заметила Изабелла. – Сейчас из рода Трастамары мало у кого найдется золота в достатке, но и совсем без денег они быть не привыкли.

– Дон Андрес не скупец и не нищий. Здесь, в родной Кастилии, он, без сомнения, знаком со всеми ростовщиками, а те прекрасно знают цену его землям и поместьям, так что король Сицилии ни в чем не будет нуждаться. Кроме того, и граф де Тревиньо, как я слышала, принял их со всем радушием.

– Граф де Тревиньо заслуживает благодарности за такую щедрость. Я этого не забуду. А сейчас, Беатриса, принеси мне письменный прибор. Полагаю, что все-таки следует сообщить королю Генриху эту новость, а также о моем намерении выйти замуж.

– О нет, дорогая моя госпожа, так не делают! Когда девушка, знатная или простого рода, собирается выйти замуж против воли своих родных, она сначала венчается и лишь затем пишет письмо и просит благословения, когда дело уже сделано.

– Вот болтушка неугомонная! Ну, поговорила, и хватит! А теперь принеси мне перо и бумагу. Король не только мой повелитель и государь, но также единственный мой близкий родственник, которого я почитаю как отца.

– В таком случае, донья Хуана Португальская, его царственная супруга и наша прославленная королева, приходится вам матерью? Хороша наставница для невинной и скромной девушки! Нет и еще раз нет, любимая моя госпожа. Вашей благородной матушкой была донья Изабелла Португальская, ни в чем не похожая на свою распутную племянницу.

– Ты себе слишком много позволяешь, донья Беатриса, и порой забываешься! Я желаю написать письмо моему брату и королю!

Изабелла не часто говорила с такой строгостью. Беатриса даже вздрогнула, и слезы выступили у нее на глазах. Поспешно принесла она принадлежности для письма и лишь тогда осмелилась взглянуть на Изабеллу, чтобы прочесть по ее лицу, действительно ли та на нее разгневалась. Но лицо принцессы было вновь прекрасно и безмятежно. Беатриса де Бобадилья поняла, что ее госпожа, поглощенная своими мыслями, уже не сердится, и сочла за благо более не касаться спорного предмета.

И вот Изабелла приступила к своему ставшему знаменитым письму, в котором, словно забыв свою природную застенчивость, заговорила как истинная королева. По договору в Торрес де Гисандо она была признана – если отбросить притязания дочери Хуаны Португальской – законной наследницей трона, при условии, что она не выйдет замуж без согласия короля. Теперь Изабелла приводила доводы в оправдание своего решения, ссылаясь на то, что ее враги, нарушая торжественные обещания, всячески стараются заставить ее вступить в несовмести-

мый с ее достоинством или с ее чувствами брак. Далее она указывала на выгоды объединения королевств Кастилии и Арагона и просила короля благословить предстоящий союз. Письмо было одобрено Хуаном де Виверо и всеми советниками Изабеллы, а затем отправлено Генриху IV с особым гонцом. Сразу же после этого начались приготовления к встрече нареченных.

Уже в ту пору этикет кастильского двора славился своей сложностью. Сразу же возникли затруднения, которые Изабелла устранила со свойственной ей прямоотой и спокойствием.

– Мне кажется, – заявил Хуан де Виверо, – что этот брак не может быть заключен, пока дон Фердинанд не признает превосходства нашей Кастилии над Арагоном. Его род – всего лишь младшая ветвь царствующего дома Кастилии, и его королевство было некогда нашей вассальной вотчиной.

Эти слова вызвали всеобщее одобрение, и только принцесса осталась недовольна. С обычной своей грацией и естественностью она указала на все слабые стороны и нежелательные последствия такого предложения.

– Все это справедливо, – сказала она. – Конечно, Хуан Арагонский – сын младшего брата моего царственного деда, но это ничуть не умаляет его королевское достоинство. Помимо Арагона, который, если угодно, уступает нашей Кастилии, он владеет Неаполем и Сицилией, не говоря уж о Наварре, где он тоже правит, хоть и с меньшими основаниями. Кроме того, дон Фердинанд имеет титул короля Сицилии, который перешел к нему после отречения дон Хуана. Так неужели этот коронованный государь должен делать уступки мне? Ведь я всего лишь принцесса и, если Богу не будет угодно, может быть, никогда не взойду на трон! Кроме того, я думаю, что дон Хуан де Виверо забыл, какая цель привела короля Сицилии в Вальядолид. В предстоящем деле нам отведены равные роли – принцессы и принца, двух христиан, намеренных обвенчаться и связать свои жизни воедино узами брака. И не подобает той, кто собирается взять на себя заботы и обязанности жены, начинать совместную жизнь с притязаний, могущих унижить ее повелителя или оскорбить его гордость. Возможно, Арагон и ниже Кастилии, но Фердинанд Арагонский уже теперь во всем равен Изабелле Кастильской, а когда он услышит мои брачные обеты и примет мое преклонение и любовь, – при этих словах Изабелла слегка покраснела, – тогда, как подобает женщине, я первая признаю его превосходство надо мной. Поэтому я не хочу больше слышать о каких бы то ни было условиях, которые могли бы огорчить дон Фердинанда, точно так же, как и меня.

Глава III

*О том, что хорошо, что плохо, может судить только король.
Дорогая Кэт, не нам с вами подчиняться глупым местным обычаям!
Мы сами устанавливаем правила поведения; в своих владениях мы можем
вести себя как вздумается, и ни один придирка не посмеет нас упрекнуть.
Шекспир. «Генрих V»*

Несмотря на всю ее решимость, обычную твердость и ясность ума, Изабеллой все больше овладевала безотчетная тихая радость. Поступками ее руководили строгие правила и возвышенные помыслы, и все же сердце ее билось все учащеннее, по мере того как приближался час, когда она должна была впервые встретить принца, избранного ею в мужа.

Кастильский придворный этикет, а также необходимость разрешить множество политических вопросов, связанных с предстоящим браком, усложняли переговоры; они длились уже немало дней. И все эти дни жениху, до сих пор не видевшему невесты, приходилось сдерживать свое нетерпение.

Лишь к вечеру 15 октября 1469 года, когда все затруднения были наконец устранены, дон Фердинанд вскочил в седло и поскакал ко дворцу Хуана де Виверо в Вальядолиде. На сей раз с ним не было обычного эскорта, соответствующего его высокому положению: жениха сопровождали всего четыре приближенных, среди которых был и Андрес де Кабрера. Архиепископ Толедский, ярый сторонник и защитник интересов Изабеллы, уже ожидал гостей, чтобы представить своей госпоже ее будущего супруга.

Изабелла находилась в той самой комнате, о которой уже шла речь. С нею была только Беатриса де Бобадилья. Овладев собой, Изабелла приняла жениха с поистине королевским величием.

Фердинанд Арагонский ожидал увидеть перед собой образец грации и красоты, но сочетавшиеся в ней ангельская кротость и женское очарование настолько превзошли его представления о женщинах, что при всей его выдержке и умении скрывать свои чувства он вздрогнул и на мгновение словно прирос к полу, не в силах отвести глаза от представшего перед ним светлого видения. Затем, опомнившись, он быстро подошел и, схватив маленькую ручку, которая не вырывалась, но и не отвечала на его пожатие, приник к ней губами с таким пылом, какой редко сопутствует первой встрече высоких особ, чьи страсти обычно не отличаются искренностью.

– Наконец-то пришел счастливый час, моя прославленная и прекрасная кузина! – воскликнул он.

Правдивый тон его сразу покорила сердце Изабеллы, ибо никакое искусство, никакие галантные фразы не могут заменить жар истинного чувства.

– Я уже думал, что этот благословенный миг никогда не наступит! – продолжал Фердинанд. – Но, слава святому Яго, которого я не переставал молить, этот миг пришел и вознаградил меня за все муки ожидания.

– Благодарю и приветствую вас, мой господин и принц, – скромно ответила Изабелла. – Трудности, которые пришлось преодолеть, чтобы наша встреча стала возможной, лишь предвестники будущих трудностей, с которыми нам придется бороться всю жизнь.

Последовал обмен вежливыми фразами: принцесса выразила надежду, что ее кузен по прибытии в Кастилию ни в чем не испытывал нужды, на что последовали соответствующие заверения. Дон Фердинанд довел Изабеллу до ее кресла, а сам устроился на скамеечке, где обычно в часы интимных бесед сидела Беатриса де Бобадилья. Однако Изабелла, хорошо

помня о тщеславии кастильцев, настаивавших на своем превосходстве над арагонцами, пожелала, чтобы дон Фердинанд занял другое, приготовленное для него кресло.

– Той, у кого нет никаких достоинств, кроме королевской крови и веры в Бога, не пристало занимать столь высокое место в присутствии короля Сицилии, – сказала она.

– Разрешите мне остаться здесь, – возразил Фердинанд. – Все помыслы о земных различиях покидают меня в вашем присутствии. Считайте меня своим рабом, своим рыцарем, готовым сражаться за вас при любом дворе в любой стране!

Изабелла вспыхнула, улыбнулась и послушно опустилась в кресло. Разумеется, ее тронули не столько сами слова, сколько нескрываемое восхищение, восторженный взгляд и искренность кузена. Женский инстинкт подсказывал ей, что она произвела на Фердинанда большое впечатление, и это открытие наполнило ее сердце нежностью.

Взаимные чувства вскоре излились в непринужденной беседе. Разговор становился все интимнее. Не прошло и получаса, как архиепископ, прекрасно разбиравшийся в тонкостях любовных речей и желаний, хотя это ему и не было положено по сану, поспешил увлечь придворных в соседнюю комнату и усадить их так, чтобы посторонние глаза и уши не мешали жениху с невестой. Впрочем, дверь оставалась открытой, да и Беатриса де Бобадилья, повинуясь этикету, не покинула свою царственную госпожу. Но она сама была настолько захвачена беседой с Андресом де Кабрера, что при ней можно было решить судьбы дюжины королевств – она все равно ничего бы не заметила.

Дальнейший ход беседы постепенно успокоил Изабеллу. Самообладание, а также опыт в обращении с людьми, который она терпеливо накапливала в отличие от других высокородных особ, расточающих свое драгоценное время среди придворной суеты, позволили ей быстро освоиться и обрести привычную ясность мысли.

– Надеюсь, теперь уже ничто не помешает нам скрепить наш союз священными узами брака, – продолжал Фердинанд начатый разговор. – Мы выполнили все, что требовалось от нас в отношении блага и интересов обоих королевств. Теперь я могу подумать и о своем счастье. Мы не чужие друг другу, донья Изабелла, – наши деды были братьями, – и я с детства слышал о ваших добродетелях и пламенной вере.

– Я тоже не случайно согласилась на наш брак, – ответила Изабелла. – Теперь, когда дело решено, когда разумность нашего союза полностью установлена, а необходимость закрепить его как можно скорее для всех очевидна, ждать более незачем. Я думаю, свадьбу можно назначить через три дня: это даст нам обоим время подготовиться к столь важному событию и позволит церкви совершить обряд с подобающей торжественностью.

– Да будет так, – проговорил Фердинанд, почтительно склонив голову. – Теперь, чтобы нас потом не упрекали в забывчивости, я хочу поговорить еще кое о чем. Вы знаете, донья Изабелла, как жестоко теснят моего отца враги, и, наверное, сами догадываетесь, что казна его опустошена. Клянусь, дорогая моя кузина, только страстное желание как можно скорее получить тот драгоценный дар, который Провидение и ваша доброта...

– Не смешивайте, дон Фердинанд, Провидение Божье с ничтожными помыслами и заботами людей, – строго прервала его Изабелла.

– ...Тот драгоценный дар, который мне ниспослало Провидение, – поправился король, осенив себя крестом и склоняя голову из уважения к богобоязненным чувствам своей невесты, – это желание заставило нас без промедления выехать из Сарагосы. Но, увы, в наших сердцах было куда больше пылкой любви к сокровищам, ожидавшим нас в Вальядолиде, чем презренного золота в карманах. И даже оно по несчастной случайности досталось какому-то ловкому мошеннику в придорожной харчевне.

– Донья Беатриса уже уведомила меня о вашей беде, – улыбаясь, заметила Изабелла. – Поистине для начала совместной жизни у нас не слишком много земных богатств. Я почти

ничего не могу предложить вам, дон Фердинанд, кроме чистого сердца и преданности, в которой, я думаю, вы не сомневаетесь.

– Вас одной, моя прекрасная кузина, достаточно для счастья любого разумного человека. Но положение и забота о будущем обязывают: нельзя допустить, чтобы потом говорили, будто наша свадьба была беднее, чем у наших подданных!

Кровь прилила к лицу принцессы так, что оно порозовело до корней волос. Однако ответила она с обычным величавым спокойствием:

– Не пристало женщине заботиться о средствах для своей свадьбы, и при других обстоятельствах наша беседа могла бы показаться странной. Но сейчас, когда от нашего брака зависит счастье двух королевств, всякое тщеславие должно быть отброшено. У меня еще есть драгоценности, и в Вальядолиде найдется немало ростовщиков: если вы позволите, я охотно расстанусь с моими безделушками ради такой высокой цели.

– До тех пор, пока у меня останется драгоценная оправа, в которой заключена ваша чистая душа, мне нет дела до других украшений, – любезно проговорил король Сицилии. – Но в такой жертве не будет нужды. Наши друзья, хотя и у них тоже больше сокровищ в сердцах, чем в сундуках, предоставят заимодавцам необходимое поручительство и добудут деньги. Отныне я это беру на себя, дорогая кузина. Но... могу я называть вас моей нареченной?

– Да, Фердинанд, это слово гораздо приятнее, чем родственное «кузина», – ответила принцесса с такой сердечностью и простотой, что можно было подивиться, насколько истинная скромность выше притворной чувствительности, столь обычной у женщин. – И я думаю, что мы имеем право так называть друг друга. Я верю, что Бог благословит наш союз, и не только на счастье нам, но и на благо нашего народа.

– Благодарю, невеста моя! Итак, отныне у нас будет одно общее состояние и вы позволите мне заботиться обо всех ваших нуждах.

– О нет, Фердинанд! – улыбаясь, возразила Изабелла. – Что бы вы ни говорили, мы не можем поступать, как дети простых идалго, начинающие жизнь со скромным приданым. Уже сейчас вы король, а я по договору в Торрос де Гисандо торжественно признана наследницей Кастилии. Поэтому у каждого из нас должны быть свои заботы и свои обязанности, хотя я не представляю, чтобы у нас были разные интересы.

– Вам никогда не придется упрекать меня в недостатке уважения, и я всегда буду помнить о своих обязанностях перед вами как перед наследницей древнейшего рода, самого знатного после рода вашего брата, короля.

– Надеюсь, вы хорошо прочли брачный договор, дон Фердинанд? Вы искренне принимаете все его многочисленные статьи и условия?

– Принимаю и понимаю точно так же, как значительность всех выгод, которые он мне сулит.

– Я старалась сделать этот договор как можно более обстоятельным и приемлемым для вас, чтобы все предусмотреть. Ибо, хотя я скоро стану вашей женой, я всегда буду помнить о том, что я королева этой страны.

– Уверяю вас, прекрасная невеста моя, что Фердинанд Арагонский тоже никогда этого не забудет.

– Бог возложил на меня обязанности королевы, я перед Ним в ответе и постараюсь свято исполнить свой долг перед Кастилией. Корона не игрушка, Фердинанд, с нею шутить нельзя. Для человека нет более тяжкого бремени, чем бремя власти.

– Заветы нашего рода хорошо помнят в Арагоне, и я радуюсь, невеста моя, что они одинаковы для обоих наших королевств.

– Вступая в союз, мы не должны думать только о себе, – проникновенным тоном продолжала Изабелла. – Это значило бы подменить обязанности государей чувствами влюбленных. Надеюсь, вы не раз просматривали и достаточно хорошо знаете все статьи брачного договора?

– У меня на это было достаточно времени, кузина: ведь договор подписан девять месяцев назад!

– Может быть, вас сердит то, что я на этом настаиваю, – продолжала Изабелла с той же серьезностью и простотой, – но я еще раз спросила об этом лишь потому, что государь не имеет права забывать о своих обязанностях. Кроме того, вы знаете, Фердинанд, какое влияние муж оказывает на жену, и должны заранее обещать, что поможете мне справиться с моей собственной слабостью, когда нужно будет защищать интересы моих кастильцев.

– Если кастильцы до сих пор страдали только от вашей слабости, донья Изабелла, то им сейчас остается лишь благодарить Бога!

– Все это не более как любезности, Фердинанд, которым не место в столь серьезном деле. Я на несколько месяцев старше вас и буду считать себя вашей старшей сестрой, пока положение супруги не отнимет у меня этого преимущества. Вы, наверно, заметили в статьях нашего договора, как тщательно я стараюсь защитить моих кастильцев от произвола чужестранца. Вы знаете, что многие знатнейшие люди моего королевства противились нашему союзу, опасаясь засилия арагонцев, и должны понять, что мы были вынуждены удовлетворить их требования.

– Причины мне понятны, донья Изабелла. Ваши желания, а также все условия договора будут нами соблюдены.

– Я буду вам верной и покорной женой, – сказала Изабелла, бросив на своего жениха серьезный и вместе с тем нежный взгляд. – Но я сделаю все, чтобы сохранить права и независимость Кастилии. Не стоит говорить о том, какую власть вы будете иметь над женщиной, которая добровольно отдала вам свою руку, но для других мы должны сохранять видимость независимых государей двух отдельных королевств.

– Доверьтесь мне, кузина! И через пятьдесят лет люди будут говорить о том, как свято дон Фердинанд держал свое слово и выполнял свой долг.

– Еще одно условие: война с маврами. Я считаю, что совесть испанских христиан не будет чиста до тех пор, пока последователи Магомета останутся на нашем полуострове.

– Ни вы, ни ваш архиепископ не могли бы поставить более приятного условия: я сам мечтаю о том, чтобы направить свое копьё против неверных. В сражениях с ними я уже завоевал рыцарские шпоры, но скорее мы оба лишимся корон, чем я успокоюсь, пока мавры не будут изгнаны и отброшены в их заморские пески.

– И еще одно я хочу вам сказать, мой благородный кузен. Вы знаете, какому пагубному влиянию подвергается мой брат, который уже восстановил против себя большинство своих приближенных и многие города. Нам придется бороться с соблазном пойти на него войной и завладеть скипетром до того, как Бог призовет его к себе в должный срок. Я хочу, чтобы вы с уважением относились к дону Энрике, и не только как к главе нашего королевского рода, но также как и к моему брату и нашему истинному государю. Конечно, если дурные советчики заставят его покуситься на нашу жизнь или наши права, мы будем защищаться, но прошу вас, Фердинанд, ни при каких других условиях не восставать против моего законного повелителя.

– В таком случае, пусть сам дон Энрике будет поосторожнее со своей Бельтранехой! – сердито воскликнул принц. – Клянусь святым Педро! У меня тоже есть права, и куда более неоспоримые, чем у этой низкороденной девки! Весь род Трастамары только выиграет, когда мы избавимся от его незаконного отпрыска, обманом затесавшегося в нашу семью.

– Вы горячитесь, дон Фердинанд, и даже Беатриса де Бобадилья смотрит на вас с упреком. Несчастливая Хуана никогда не сможет посягнуть на наши права. Во всей Кастилии вряд ли найдется десяток грандов, которые пали настолько низко, чтобы желать возвести на трон ту, в чьих жилах, как утверждают, нет ни капли благородной королевской крови.

– Но, Изабелла, ведь сам дон Энрике не соблюдает по отношению к вам договора в Торрос де Гисандо!

– Мой брат окружен порочными людьми... а кроме того, Фердинанд, – при этих словах принцесса густо покраснела, – мы ведь тоже нарушили одно из условий этого договора: условие, по которому я не могу выйти замуж без согласия короля.

– Он заставил нас пойти на это и, если мы нарушили договор, пусть винит во всем самого себя.

– Я тоже стараюсь так думать, но не перестаю молить Бога, чтобы Он простил меня даже за такое кажущееся нарушение слова. Я не суеверна, Фердинанд, иначе я бы боялась, что наш союз не будет угоден Богу из-за этого проступка. Но причины бывают разные, и тот, кто читает в сердцах, не осудит строго наши добрые намерения. Если бы дон Энрике не пытался захватить меня врасплох, чтобы выдать замуж против моей воли, этот решительный шаг – наша женитьба – не был бы столь необходим и неизбежен.

– Мне остается только возблагодарить своего ангела-хранителя за то, что ваша воля, прекрасная кузина, оказалась сильнее всех происков тирана.

– Я не могла отдать свою руку ни королю Португальскому, ни герцогу Гиеньскому, которых мне прочили в мужья, – простодушно ответила Изабелла. – Девушке королевского или иного знатного рода не приличествует противопоставлять свою неопытность и капризы мудрым советам друзей, а добродетельной жене нетрудно полюбить своего мужа, если при выборе его не были слишком грубо нарушены законы природы и общества, но до сих пор я слишком заботилась о своей душе и не решалась подвергать ее столь серьезному испытанию, как бракосочетание со всеми его последствиями.

– Я чувствую, что недостойн вас, Изабелла! Вы должны научить меня, каким я должен стать, а пока обещаю вам, что буду самым прилежным и внимательным вашим учеником.

Разговор перешел на более общие темы. От природы любознательная и отзывчивая, Изабелла задавала бесчисленные вопросы, осведомляясь о своих арагонских родственниках. Так прошло часа два, и наконец король Сицилии так же тайно вернулся в Дуэньяс, как и приехал. Расстались нареченные с чувством взаимного восхищения и уважения, к которому в нежной душе Изабеллы примешивалось сладостное предвкушение счастливой семейной жизни.

Свадьбу отпраздновали с подобающей пышностью 19 октября 1469 года в часовне дворца Хуана де Виверо. Не менее двух тысяч человек, главным образом из высшей знати, присутствовало при церемонии. Когда священник уже готов был начать венчальный обряд, в глазах Изабеллы вдруг мелькнуло беспокойство. Обратившись к стоявшему рядом архиепископу Толедскому, она сказала:

– Ваше преосвященство обещали, что со стороны церкви не будет никаких возражений против нашего торжественного бракосочетания. Но ведь вы знаете, что дон Фердинанд Арагонский и я находимся в близком родстве.

– Совершенно справедливо, госпожа моя Изабелла, – спокойно, с отеческой улыбкой ответил прелат. – К счастью, наш святой отец Пий снял с вас запрет, и церковь радостно благословляет ваш союз.

С этими словами архиепископ достал разрешение и прочитал его звонким и отчетливым голосом. Последняя тень беспокойства исчезла с ясного чела Изабеллы, и церемония началась. Прошло немало лет, прежде чем богобоязненная принцесса узнала, что в тот день ее обманули: папская булла, которую ей прочли, на самом деле была составлена королем Арагонским и прелатом; впрочем, и сам жених кое о чем подозревал. К этой уловке прибегли потому, что все знали, какое влияние имел король Кастильский на святейшего Папу, который никогда бы не пошел против воли этого монарха. Лишь много лет спустя Папа Сикст IV исправил ошибку и задним числом выдал подлинное разрешение на брак Изабеллы с Фердинандом.

И вот Фердинанд и Изабелла стали мужем и женой. События последующих двадцати лет здесь стоит лишь вкратце упомянуть. Возмущенный Генрих IV тщетно пытался передать престол своей сомнительной дочери, Хуане Бельтранехе, отняв его у Изабеллы. Возгорелась

гражданская война, во время которой Изабелла упорно отказывалась от короны, хотя ей не раз ее предлагали: она ограничивалась лишь защитой своих прав будущей наследницы. В 1474 году, то есть через пять лет после ее свадьбы, Генрих IV умер, и Изабелла стала королевой Кастильской. Но одновременно ее самозваная племянница тоже была провозглашена королевой небольшой партией своих приближенных. Война за наследство, как ее называли, продлилась еще пять лет, и только тогда Хуана Бельтранеха постриглась в монахини, а права Изабеллы были признаны полностью. Примерно в это же время умер дон Хуан II, и Фердинанд стал королем Арагона.

Перемены эти значительно уменьшили раздробленность полуострова, где осталось всего четыре государства: владения Фердинанда и Изабеллы, включавшие Кастилию, Леон, Арагон, Валенсию и множество других цветущих испанских провинций; небольшое королевство Наваррское в Пиренеях; Португалия, примерно в тех же границах, что и сегодня, и, наконец, Гранада – остаток мавританского государства к северу от Гибралтара.

Ни Фердинанд, ни его царственная супруга не забывали об условии их брачного договора, по которому король обязался вести войну с маврами до полного их изгнания. Однако ход событий заставил его отложить исполнение своего обещания на многие годы. Когда же наконец пришло время, судьба, которая провела благочестивую Изабеллу сквозь все невзгоды и вознесла из скромной безответности на вершину власти, та же счастливая судьба и сейчас не изменила своей любимице. Успех следовал за успехом, победа за победой, пока мавры не потеряли одну за другой все крепости и не укрылись наконец в столице – последнем своем оплоте на полуострове.

В то лето, когда войска испанцев стояли под стенами Гранады и Изабелла с волнением следила за боевыми действиями, случилось одно происшествие, которое едва не оказалось роковым для королевской семьи и могло бы привести к поражению христиан. Шатер, где находилась королева с детьми, внезапно был охвачен пламенем. В лагере началось смятение. Пожар охватил и другие палатки знатных рыцарей, уничтожив немало сокровищ – драгоценностей, посуды и прочего. К счастью, иных потерь не было.

И вот тогда, чтобы подобный случай не повторился, а также в ознаменование взятия Гранады, которое Фердинанд и Изабелла считали величайшим деянием своего совместного правления – ведь никто не мог приподнять завесу времени и предсказать им, что самое великое еще грядет! – царственные супруги решили воздвигнуть такой памятник, который сам по себе сделал бы эту осаду бессмертной. Был составлен план, рабочие принялись возводить долговечные добротные здания, где могла бы разместиться целая армия, и скоро военный лагерь испанцев превратился в настоящий город у стен города. Через три месяца поразительное это сооружение с целыми кварталами, улицами и площадями было завершено и названо «Санта-Фе», то есть «Святая Вера». Возникновение города на голом месте посеяло ужас в сердцах мавров: они поняли, что враги не отступят, пока не разделаются с ними окончательно. И вполне возможно, что именно это заставило так поспешно сдаться гранадского правителя Боабдила, покинувшего Альгамбру через несколько недель после того, как испанцы расположились в своих новых жилищах.

Санта-Фе существует и до сих пор, и путешественники часто навещают это место, привлекаясь его любопытным происхождением и еще одним замечательным фактом, действительным или предполагаемым: как утверждают, из всех испанских городов, независимо от их величины, только Санта-Фе никогда не бывал под властью мавров.

Здесь, в Санта-Фе, и начинается, в сущности, наш рассказ: все предыдущее было только введением, которое должно было подготовить читателя к предстоящим событиям.

Глава IV

*Определил прямую муж ученый,
Да толку что? Ведь в жизни нет прямых!
И тщетно будет разум ваш смищенный
Искать ответ в познаниях людских:
Наука вся – лишь море заблуждений,
Где нету дна, а правды нет и тени.*

«Людская ученость»

День 2 января 1492 года был отпразднован с торжественностью и великолепием, поразившим даже придворных и воинов, привычных к роскоши церковных служб и пышности двора Фердинанда и Изабеллы. С восходом солнца в маленьком городке Санта-Фе началось всеобщее ликование. Переговоры о сдаче Гранады, которые тайно велись вот уже несколько недель, наконец-то были завершены. О результатах сообщили армии и народу, и этот день был назначен для вступления в завоеванный город.

Двор пребывал в трауре по случаю смерти мужа принцессы Кастильской, дона Алонсо Португальского, скончавшегося вскоре после свадьбы, однако в этот день траурные одежды были сброшены, и все облеклись в роскошные праздничные наряды.

Было еще рано, когда великий кардинал²¹ во главе большого отряда воинов начал подниматься на так называемый Холм Мучеников, чтобы оттуда символически вступить во владение завоеванным городом. По дороге процессию встретила группа всадников – мавров; во главе ее ехал воин, в котором по благородной осанке и горестному выражению лица можно было узнать побежденного эмира Боабдила, или иначе Абдаллаха. Кардинал указал ему, где находится Фердинанд: король отказался вступить в завоеванный город, пока над ним не будет водружен вместо магометанских стягов символ Христа, и ожидал в некотором отдалении от ворот.

О свидании двух монархов, побежденного и победителя, рассказывали не раз – в частности, совсем недавно о нем снова писали два наших выдающихся соотечественника, – так что здесь мы не будем на этом задерживаться. Затем Абдаллаха милостиво и радушно приняла Изабелла. Беседа с ней не была столь примечательна, зато в ней было гораздо больше истинно христианского снисхождения и доброты. Наконец побежденный эмир удалился, последний раз остановившись на перевале, чтобы окинуть прощальным взглядом дворцы и башни столицы своих предков; это место в горах до сих пор носит трогательное поэтическое название «El Ultimo Suspiro Del Moro» – «Прощальный вздох мавра».

Путь побежденных от Гранады к горам был недолог, но эмир ехал спокойно, неторопливо, и за это время на подходах к городу и на всех прилегающих холмах собрались толпы народа. Все глаза были устремлены на башни Альгамбры²², где крест должен был сменить полумесяц: каждый католик с нетерпением ждал этого триумфа христианской веры.

Сама Изабелла, которая поставила изгнание неверных одним из условий брачного договора, осталась на заднем плане, хотя в действительности это было ее торжество. Она расположилась в некотором отдалении, позади Фердинанда, и тем не менее все взгляды от столь вожделенных башен Альгамбры устремлялись именно к ней. Ведь именно Изабелла пожинала

²¹ Великий кардинал – Педро Гонсалес де Мендоса, архиепископ Толедский, один из вдохновителей войны против мавров.

²² Альгамбра – крепость и замок на скале в Гранаде.

в тот день плоды победы, ибо новая провинция присоединялась к ее родной Кастилии, а не к Арагону, у которого, собственно, не было смежных с Гранадой границ.

До появления Абдаллаха толпы людей свободно передвигались во всех направлениях. Чтобы увидеть вступление в город, сюда, кроме воинов, стеклось множество всякого народа, а так как эта война, по сути дела, стала крестовым походом, то среди собравшихся больше всего было священников и монахов. Любопытные старались протиснуться поближе к Изабелле, ибо здесь сосредоточился цвет королевского двора. Особенно тянулись к королеве священнослужители: благочестие Изабеллы как бы создавало вокруг нее атмосферу, которая была им близка и привычна.

Среди всей этой духовной братии можно было заметить монаха, чья наружность, видимо, соответствовала его высокому происхождению: когда он отошел от королевы и начал пробираться на более свободное место, многие дворяне почтительно приветствовали его, называя отцом Педро. Его сопровождал юноша, настолько превосходивший окружающую толпу благородством черт и осанки, что люди невольно оборачивались. На вид ему было не более двадцати лет, однако могучая фигура и загар на цветущем лице свидетельствовали о том, что он не раз бывал в походах, и многие, глядя на него, думали, что это, должно быть, закаленный душой и телом воин, хотя даже в день вступления в Гранаду на нем не было ни лат, ни шлема. Одет он был просто, словно для того, чтобы как можно меньше привлекать внимания, однако и в этой скромной одежде он держался так, как может держаться лишь человек высокого рода. Те, кто видел, как милостиво говорила с ним Изабелла, конечно, заметили, что ему было дозволено поцеловать ей руку, а этой чести при строгих и чопорных правилах кастильского двора удостоивались лишь самые доблестные или чем-либо особо отмеченные представители наиболее знатных семей. В толпе шептались, что это, должно быть, сам Гусман, чей род не уступал королевскому, либо один из Понсов – имя, прославленное в этой войне на всю Испанию подвигами знаменитого герцога Кадисского, – в то время как другие, указывая на его гордое чело, твердый шаг и живой взгляд, утверждали, что, судя по манерам и осанке, это не кто иной, как Мендоса.

Однако сам юноша, служивший предметом всех этих пересудов, явно не замечал любопытства, которое вызывали его статная фигура, красивое лицо и упругая, горделивая поступь. Подобно тем, кто привык к такого рода вниманию, он беспечно разглядывал все, что попадалось ему на глаза и казалось забавным, но больше прислушивался к замечаниям, которые время от времени слетали с уст его почтенного спутника.

– Это самый славный, самый благословенный день для всего христианского мира! – воскликнул отец Педро после более долгой паузы. – Кончилось нечестивое семисотлетнее царствование неверных! Слава мавров низвергнута, и крест наконец вознесся над знаменами их лжепророка. Если бы души усопших могли узнать об этом, все твои предки, сын мой, воскресли бы и, ликуя, встали из своих могил!

– Слава святой Марии, она не допустит, чтобы их потревожили даже ради победы над маврами. Ибо я весьма сомневаюсь, чтобы Гранада, несмотря на все старания неверных, оказалась моим предкам приятнее рая!

– Сын мой дон Луис, после твоих странствий ты стал слишком невоздержан на язык и далеко не так почтителен к церкви и ее служителям, как в те времена, когда о тебе пеклась твоя покойная мать!

Все это было высказано отнюдь не тоном грустного упрека, а сурово и даже гневно.

– Не упрекайте меня так жестоко, отец мой, за вольные речи: всему виной легкомыслие молодости, а вовсе не пренебрежение к церкви. Ну вот, сначала вы меня сурово порицаете, а когда я обращаюсь к вам, как раскаявшийся грешник, и молю о прощении, вы смотрите куда-то в сторону с таким видом, словно на самом деле узрели там одного из моих предков, восставшего из гроба, чтобы полюбоваться, как мавры скрепя сердце покидают свою любимую Альгамбру!

– Видишь вон того человека, Луис? – спросил монах, продолжая смотреть в прежнем направлении, однако не указывая, кого именно он заметил в толпе.

– Честное слово, отец мой, я вижу тысячи людей, но ни один из них не похож на выходца с того света, только что явившегося из райских садов. Может быть, вы мне сами объясните, кто привлек ваше внимание?

– Видишь человека с лицом повелителя, чей важный и гордый облик так не вяжется с бедной одеждой? Впрочем, не такой уж бедной – сейчас он одет приличнее и, наверно, лучше обеспечен, чем раньше, – но, во всяком случае, костюм его не дворянский, хотя и в таком наряде он выглядит и держится так, словно он, по крайней мере, король!

– Кажется, я понял, о ком вы говорите. Это вон тот человек с серьезным лицом и весьма достойной осанкой, несмотря на скромное одеяние. Но что в нем особенного? Ни в его внешности, ни в поведении нет ничего предосудительного.

– Несомненно! Однако я имел в виду не это, а благородство и величавость его манер, обычно столь несвойственных тем, кто не привык повелевать.

– По одежде да и по всему облику я бы принял его за капитана или кормчего, повидавшего немало морей. Ну конечно, все признаки говорят, что это так!

– Ты не ошибся, Луис, он действительно мореплаватель из Генуи, имя его – Кривосталь Колон, или Христофор Колумб, как его называют итальянцы.

– Помнится, я слышал об одном адмирале с таким же именем, который отличился во время войны в южных морях, а недавно отправился в дальнее плавание на восток.

– Нет, этот еще далеко не адмирал, однако возможно, он из той же семьи, поскольку они соотечественники. Пока он не адмирал, но верит, что будет адмиралом, а может быть, даже и королем!

– В таком случае, это либо тщеславный глупец, либо безумец!

– Ни то ни другое. Образованностью он превзошел многих наших ученых богословов, и, к чести его будь сказано, он один из самых преданных церкви христиан во всей Испании. По всему видно, что ты слишком много пробыл в чужих странах и слишком мало при дворе, иначе ты знал бы историю этого необычайного человека. За последние годы одно его имя вызывает смех у легкомысленных болтунов и заставляет задумываться людей мудрых и осмотрительных – не кроется ли в его душе самая страшная и пагубная ересь!

– Ваши слова возбуждают во мне любопытство, отец Педро. Что же он за человек?

– Сплошная загадка. Сколько я ни молился, сколько ни рылся в монастырских библиотеках, все мои попытки проникнуть в его тайну ни к чему не привели... Пойдем, Луис, сядем вон на тот камень, и я расскажу, почему этого человека считают столь необычайным. Прежде всего да будет тебе известно, что он явился сюда семь лет назад. Он утверждал, будто сделал большое открытие. По его словам, если отправиться в океан и плыть все время на запад через неведомое и неизмеримое пространство, можно будет достичь далекой Индии, богатого острова Сипанго и берегов королевства Катай, о котором до нас дошли самые удивительные рассказы некоего Марко Поло²³.

– Святой Яго, помилуй нас! У него наверняка не все дома! – смеясь, прервал старика дон Луис. – Ведь это возможно только в том случае, если бы земля была круглой, как шар! Потому что Индия лежит на востоке, а не на западе. Разве я не прав?

– Именно так ему и говорили чаще всего. Но у него находились ответы и на более веские возражения.

– Какие еще возражения могут быть более вескими? Разве наши глаза не говорят нам, что земля плоская?

²³ *Марко Поло* (1254–1324) – венецианский купец, первым из европейцев посетивший Китай и ряд других азиатских стран. Марко Поло называл Северный Китай – Катаем, а Японию – островом Сипанго.

– В этом он не согласен с большинством людей. И, сказать правду, сын мой Луис, спорить с ним трудно. Он мореплаватель, как ты сам догадался, и он говорит, что в океане, когда корабль еще далеко, сначала бывают видны только верхние паруса, затем, по мере его приближения, появляются нижние и, наконец, само судно. Но ведь и ты бывал на море и, наверно, наблюдал то же самое!

– Да, это действительно так, отец мой. Во время плавания нам встретился военный корабль английского короля. Сначала, как вы говорите, мы увидели верхний парус, белое пятнышко над водой; затем начали появляться остальные паруса, один за другим, пока мы не приблизились и не рассмотрели весь его гигантский корпус с бомбардами и пушками, которых было самое малое штук двадцать!

– Значит, ты согласен с Колоном и тоже думаешь, что земля круглая?

– Ну нет, клянусь святым Георгом Английским! Я повидал слишком много земель, чтобы попасться на такую глупую приманку. Франция, Англия, Бургундия, Германия и все прочие дальние страны на севере точно такие же ровные и плоские, как наша Кастилия!

– Но, если это так, почему же вы сначала увидели только верхние паруса английского корабля?

– Потому... потому, отец Педро, что эти паруса были всего виднее. Ну конечно, потому что их легче было заметить!

– Разве англичане ставят на верхушке мачт самые большие паруса?

– Конечно, нет, это было бы безумием! Хотя про них нельзя сказать, что они очень хорошие мореплаватели – наши соседи португальцы и генуэзцы куда лучше! – однако при всем этом англичане не такие уж дураки. Подумайте о силе ветра, и вы сами поймете, что самые большие паруса могут стоять только в самом низу.

– Тогда почему вы увидели маленькие паруса раньше больших?

– Поистине этот Христофор не потратил времени даром, беседуя с вами, мудрейший отец Педро! Однако вопрос еще не есть доказательство.

– Сократ тоже любил задавать вопросы, сын мой, но Сократ задавал их, чтобы ему отвечали!

– Чума меня забери, как говорят при дворе французского короля. Да ведь я-то не Сократ, добрейший отец Педро, а всего лишь ваш бывший воспитанник и родственник, Луис де Бобадилья граф де Льера, недостойный племянник любимицы королевы, маркизы де Мойя, самый высокородный из рыцарей Испании, хотя мои враги и утверждают, что это не так.

– Меня не интересует ни твоя родословная, ни твои причуды и недостатки, дон Луис де Бобадилья, потому что я знаю тебя и слежу за тобой с пеленок. У тебя только одно достоинство, и никто его не отнимет, – это удивительная правдивость. И ты еще никогда не проявлял ее с большей очевидностью, чем сейчас.

Добродушная улыбка достойного отца Педро смягчила едкую шутку, и юноша расхохотался, понимая, что сам поставил себя в глупое положение и что сердиться не на кого.

– Ах, отец Педро, прошу вас, перестаньте хоть сегодня школить меня! Поговорим лучше серьезно об этом необычном деле. Вы-то, надеюсь, не станете утверждать, будто земля круглая?

– Нет, Луис, утверждать это, как некоторые, я не стану, потому что подобные утверждения трудно примирить со Священным Писанием. Однако загадка с парусами весьма занимает меня, и мне порой хочется побывать в разных портах и на море, чтобы увидеть все собственными глазами. Если бы не жестокая рвота, которая мучит меня на судах, я бы давно это сделал.

– Подумать только, чем бы тогда излилась вся ваша мудрость! – со смехом воскликнул юноша. – Отец Педро де Карраскаль мечтает стать морским бродягой, как его воспитанник, – это ли не причуда! Но пусть душа ваша будет спокойна, мой почтеннейший родственник и мудрейший наставник, потому что я могу избавить вас от сомнений. Сколько я ни путешествовал по морю или по суше – а вы знаете, что для своих лет я постранствовал немало, – я

всюду видел, что земля плоская, а океан еще более плоский, если не считать водоворотов и волн во время бури.

– На вид так оно и должно казаться. Однако Колон, который плывал гораздо больше и дальше тебя, думает иначе. Он убежден, что земля – это шар и что, если плыть на запад, можно добраться до берегов, лежащих от нас к востоку.

– Клянусь святым Лоренцо, мысль дерзостная! Неужели он действительно хочет отправиться в просторы Атлантики и даже пересечь их в поисках какой-то далекой неведомой земли?

– Именно это он и задумал. И в течение семи долгих лет Колон пытается убедить наш двор, чтобы ему предоставили необходимые средства. Да что там семь лет! Я слышал, он еще задолго до этого обращался со своей просьбой ко многим другим дворам.

– Да, но, если земля круглая, – продолжал дон Луис с задумчивым видом, – почему вся вода не схлынет к ее нижней части? Почему у нас до сих пор еще остались моря? Если Индия, как он утверждает – а я это понял из ваших слов, – находится на другой стороне земли, как же там ходят люди? Неужели вверх ногами?

– Такой вопрос уже задавали Колону, но он не придает этому значения. Тем более что многие наши отцы церкви тоже склоняются к мысли, будто у земли нет ни верха, ни низа, то есть низ всегда у нас под ногами, так что тут особых затруднений не возникает.

– Надеюсь, отец Педро, вы не хотите убедить меня, что люди могут ходить на голове, дрыгая ногами в воздухе? Клянусь святым Франциском, у жителей Катая должны быть когти, как у кошек, иначе они все давно бы свалились.

– Куда, Луис?

– Куда? То есть как, отец Педро? Наверно, в ад... или в бездонную пропасть! Не может же быть, чтобы люди ходили вниз головой, опираясь ногами на воздух! Значит, каравеллы тоже должны там плыть на мачтах? Такого еще не бывало! Что же удерживает моря, почему они не хлынут в преисподнюю и не зальют адское пламя?

– Сын мой Луис, – строго проговорил монах, – в своих легкомысленных речах ты заходишь слишком далеко! Как ты сам-то представляешь себе нашу землю, если тебе не по душе мнение Колона?

– Она плоская, как щит мавра, который я разрубил в последней схватке, такая же плоская, какой только можно делать сталь на наковальне.

– Значит, ты думаешь, что у земли есть пределы?

– Да, я так думаю, и, если позволят Небеса, а также донья Мерседес де Вальверде, я доберусь до них прежде, чем умру.

– По-твоему, земля с четырех сторон кончается обрывом, до которого можно добраться, стать там и смотреть вниз, как с высокого плоскогорья?

– Картина, достойная вашей кисти, отец Педро! До сих пор я об этом не думал, но где-то должно быть такое место. Клянусь святым Фернандо! Подвиг, достойный самого дона Алонсо де Охеда²⁴: стоять одной ногой на краю земли, другой – на облаках и швырять апельсины на луну!

– С тобой нельзя говорить ни о чем серьезном, Луис! Мне, например, мысли и планы Колона кажутся достойными внимания. Против них у меня есть только два веских возражения. Первое – все это трудно примирить со Священным Писанием. И второе – огромная, непостижимая, я бы сказал, даже бессмысленная обширность океана, который должен отделять нас от Катая, потому что иначе мы бы уже давно узнали об этой стране.

– А что говорят о Колоне ученые?

²⁴ Алонсо де Охеда (1465–1515) – кастильский рыцарь; в 1493 г. со второй экспедицией Колумба прибыл на Эспаньолу, где возглавил кампанию по истреблению беззащитных индейцев.

– Его проект долго обсуждался на совете в Саламанке²⁵, и мнения разделились. Самое серьезное возражение было такое: даже если допустить, что земля круглая и что до острова Сипанго можно добраться с запада, сможет ли корабль вернуться? Ведь на обратном пути ему придется плыть снизу вверх! Короче – большинство было против Колона, и я боюсь, он никогда не доплывет до своего Сипанго, поскольку до сих пор так и не снаряжился в путь. Странно, что он вообще еще здесь: мне говорили, будто он окончательно решил уехать в Португалию.

– Вы, кажется, сказали, что он уже давно в Испании? – посерьезнев, спросил дон Луис, не спуская глаз с благородной фигуры Колумба, который стоял неподалеку от камня, где устроились собеседники, и спокойно взирал на пышное триумфальное шествие.

– Семь мучительных лет он умолял всех богатых и знатных людей страны снабдить его средствами, необходимыми для его путешествия.

– Если он продержался так долго, значит, у него есть деньги?

– По виду я не сказал бы, что он богат. Я знаю, что он зарабатывал себе на жизнь изготовлением географических карт. Часть времени он проводил в спорах с философами и в ходатайствах перед сильными мира сего, остальное же время трудился в поте лица, добывая своим ремеслом хлеб насущный.

– Ваш рассказ, отец Педро, настолько разжег мое любопытство, что я хочу поговорить с этим Колоном. Он стоит совсем один среди толпы. Пожалуй, я подойду к нему, скажу, что я тоже в какой-то степени мореплаватель, и постараюсь вывести кое-что из его необычных планов.

– Как же ты думаешь с ним познакомиться?

– Я скажу ему, что я дон Луис де Бобадилья, племянник доньи Беатрисы де Мойя, наследник одного из знатнейших родов Кастилии...

– И ты думаешь, этого будет достаточно? – улыбаясь, спросил монах. – Нет, Луис, нет, сын мой, для какого-нибудь торговца картами было бы довольно одного твоего желания, но Кристовалу Колону этого мало! Он целиком захвачен необъятностью своего проекта, нисколько не сомневается в небывалых его результатах, видит их днем и ночью и так уверен в себе, в своей силе, что ни принц, ни даже король не способны унижить его достоинство. Даже наш славный государь дон Фердинанд не решился бы на то, что ты собираешься сделать, опасаясь встретить молчаливый отпор, а то и услышать резкое слово.

– Клянусь всеми святыми! Вы рассказываете об этом человеке такие необычные вещи, отец Педро, что мне еще больше хочется с ним познакомиться! Может быть, вы меня представите?

– Охотно. Потому что я сам хочу узнать, что заставило его возвратиться к нашему двору. В последнее его посещение, как я слышал, он твердо решил обратиться со своим проектом к другим государям. Так что доверься мне, дон Луис, и я постараюсь все устроить.

Монах и его нетерпеливый юный собеседник встали с камня и начали пробиваться сквозь толпу к тому, кто занимал их мысли. Однако, когда они подошли достаточно близко, отец Педро не отважился сразу заговорить с Колумбом и терпеливо ждал, чтобы мореплаватель сам его заметил. Но тот долго не обращал на него внимания, взгляд Колумба был устремлен к башням Альгамбры, где с минуты на минуту крест должен был сменить полумесяц. Дерзкий, неугомонный и слишком горячий Луис де Бобадилья едва сдерживался: ему, никогда не забывавшему о своем высоком происхождении и связанных с этим привилегиях, трудно было подавить нетерпение. Еще бы! Какой-то торговец картами, какой-то кормчий так долго заставляет себя ждать! Он подталкивал своего спутника вперед, но тщетно. Наконец нетерпеливые жесты юноши привлекли внимание Колумба. Он оглянулся, встретил взгляд отца Педро, и старые знакомые приветствовали друг друга обычным в те времена учтивым поклоном.

²⁵ Саламанка – один из крупнейших культурных центров Европы с университетом, основанным в начале XIII в.

– Поздравляю вас, сеньор Колон, с успешным окончанием осады, – заговорил монах. – Я рад, что вы присутствуете при этом торжестве, потому что слышал, будто важные дела призывали вас в другую страну.

– Ничто не совершается помимо воли Божьей, – отозвался Колумб. – Сегодняшнее событие служит мне уроком настойчивости и еще раз убеждает меня в том, что предопределенное свыше непременно осуществится.

– Я ценю ваше рвение, сеньор. Поистине без настойчивости нет спасения, и я не сомневаюсь, что упорство, с каким вели эту войну наши государи, и славное ее завершение могут служить тому подходящим примером.

– Поистине так, отец Педро, и это пример для всех благих дел, – ответил Колон, или Колумб, как мы его и будем в дальнейшем именовать. В глазах его вспыхнул яркий огонь пророческого восторга, и он продолжал: – Вам может показаться неразумным, что я применяю столь высокое сравнение к себе, но сегодняшний триумф наших государей чудесным образом вдохновляет меня: я тоже должен настойчиво, не отступая, продолжать мои утомительные ходатайства, ибо и они приведут к торжеству правого дела.

– Раз уж вы заговорили о своих планах и намерениях, сеньор, – с живостью подхватил отец Педро, – признаюсь, я этому рад. Здесь со мной один мой юный родственник, ставший чем-то вроде морского бродяги, – причуда молодости, от которой его не могли удержать ни друзья, ни даже любовь. Прослышав о ваших смелых замыслах, он загорелся желанием узнать о них как можно больше из ваших собственных уст, если вы сообразовите уделить ему внимание.

– Я всегда рад удовлетворить похвальную любознательность отважных молодых людей и охотно сообщу вашему юному другу все, что он захочет, – ответил Колумб с простотой и достоинством, которые разом покончили со всеми притязаниями дона Луиса на роль снисходительного слушателя в предстоящем разговоре.

Юноша понял, что не мореплаватель, а он должен считать себя польщенным, что тот удостоил его беседы.

– Но простите, отец Педро, вы забыли мне представить сеньора, – продолжал Колумб.

– Это дон Луис де Бобадилья. Пожалуй, единственные его достоинства в ваших глазах – это смелость и любовь к морю, а также то, что ваша высокая покровительница маркиза де Мойя приходится ему теткой.

– Одного из двух было бы вполне достаточно, – отозвался Колумб. – Люблю юношескую отвагу, ибо она, несомненно, дается Богом для того, чтобы исполнить Его мудрые предназначения: в этом убеждении я сам черпаю силы и уверенность. Что же касается второго его достоинства, то скажу одно: вместе с Хуаном Пересом де Морачена²⁶ и сеньором Алонсо де Кинтанилья²⁷ донья Беатриса принадлежит к числу моих лучших друзей, а потому ее родственник может рассчитывать на мою признательность и уважение.

Такая речь поразила дону Луиса. Хотя этот чужеземец, который даже говорил по-кастильски с акцентом, был неплохо одет и держался с достоинством, тем не менее он оставался всего лишь кормчим, или капитаном, зарабатывавшим себе на хлеб трудом своих рук. Тем более странным казался его покровительственный тон по отношению к знатнейшему из кастильцев: такое тот мог принять разве что от принца крови! Сначала дон Луис хотел осадить генуэзца, затем – рассмеяться ему в лицо, но в конце концов, видя, что монах относится к мореплавателю с большим почтением, сам почувствовал уважение к этому человеку со столь выдающимися замыслами и сумел не только взять правильный тон, но и ответить Колумбу находчиво и

²⁶ Здесь Купер ошибается: Хуан Перес и Антонио Морачена – это два разных лица, что было установлено лишь в конце XIX в.

²⁷ *Алонсо де Кинтанилья* – фактический министр финансов Изабеллы и Фердинанда, один из наиболее верных сторонников Колумба.

любезно, как и подобало юноше с его именем. Все трое отошли подальше от толчеи и присели на камнях, где уже расположилось отдохнуть немало зрителей.

– Отец Педро, вы, кажется, сказали, что дон Луис побывал в чужих странах? – заговорил Колумб, сам выбирая тему, как если бы имел на то право благодаря своему положению или заслугам. – И сказали, что он влюблен в чудеса и опасности океана?

– Да, это так, сеньор, только не знаю, добродетель это или недостаток. Если бы он уступил настояниям доньи Беатрисы или последовал моему совету, ему не пришлось бы променять рыцарские подвиги на занятие, столь несовместимое с его знатностью и воспитанием.

– Что вы, отец Педро, зачем же так сурово порицать юношу! Про того, кто провел жизнь в океане, нельзя сказать, что он прожил ее недостойно или бесцельно. Бог разделил земли водами не для того, чтобы отдалить людей друг от друга, а дабы люди могли встречаться среди чудес, которыми Он наполнил океан. В юности у всех нас были заблуждения: такое уж это время, когда мы больше слушаемся чувств, нежели разума. И, признаваясь в своей слабости, я не могу кинуть камень в донна Луиса.

– Вам, наверно, приходилось сражаться с нехристями на море? – смущенно проговорил юноша, не зная, как подступиться к интересующему его вопросу.

– Да, сынок, и на море и на суше, – ответил Колумб; такая фамильярность удивила, но не обидела донна Луиса. – Было время, когда я любил вспоминать обо всех пережитых мною опасностях – а повидал я немало бурь и сражений, – но, с тех пор как моя душа пробудилась для великого подвига, все эти злключения перестали меня волновать.

Отец Педро перекрестился, а дон Луис с улыбкой пожал плечами, как человек, услышавший нечто весьма странное. Однако мореплаватель продолжал говорить со свойственной ему серьезностью:

– Много лет прошло с тех пор, как я сражался против венецианцев вместе с моим родственником и тезкой Колумбом Младшим, как его называли, чтобы не путать с его дядей – адмиралом, носившим то же имя. Помню бой к северу от мыса Сан-Винсенти. В тот кровавый день мы бились с восхода до заката, враг был силен, но судьба хранила меня, и я не был даже ранен. Другой раз галера, на которой я сражался, была охвачена пламенем, и мне пришлось добираться до берега – а он был не близок! – в утлой лодчонке.

Глаза мореплавателя разгорелись, вдохновенный румянец заиграл на щеках, но даже и в своих преувеличениях – а это, конечно, было преувеличением – он сохранял такую сдержанность, серьезность и достоинство, что их невозможно было спутать с досужим легкомыслием людей, у которых мимолетные прихоти заменяют глубокое чувство, а суетные мечты – убежденность и силу воли. Отец Педро не улыбнулся и ничем не выказал недоверия к этим словам. Наоборот, по тому, как набожно он перекрестился, и по сочувственному выражению его лица можно было видеть, что он понимает и разделяет глубокую веру Колумба.

– Смотрите, воздвигается благословенный символ нашего спасения, наш путеводный знак! – вдруг воскликнул монах, раскинув руки, словно желая обнять небеса; он упал на колени и смиренно, до самой земли, склонил обнаженную голову с выбритым кружком тонзуры.

Колумб посмотрел в ту сторону, куда указывал отец Педро, и увидел, что над главной башней Альгамбры сверкает большой серебряный крест, тот самый крест, с которым Фердинанд и Изабелла не расставались в течение всей войны с маврами. В следующее мгновение над другими башнями взвились штандарты Кастилии и святого Яго. Зазвучал победный гимн, сливаясь с церковным песнопением. И началось торжественное шествие, в котором пышность священных облачений соперничала с блеском воинских доспехов. Но это зрелище является скорее достоянием истории, нежели нашего частного и более скромного рассказа.

Глава V

*Кто не изведал, как слабы, пусты
Слова перед величьем красоты?
Чей разум был достаточно силен,
Чтобы, восторгом дивным ослеплен,
Не затуманился и не признал хоть раз
Могущество и власть прекрасных глаз?*

Байрон

Эту ночь Изабелла и Фердинанд вместе с кастильским и арагонским дворами впервые провели в стенах Альгамбры. Сразу же после того, как закончилась церковная служба и отзвучал последний молебен, во дворец хлынула целая толпа, за которой, сохраняя подобающую им неторопливость и достоинство, проследовали и государи. Более юные придворные разбрелись по знаменитым дворам и роскошным залам, любуясь красотами дворца, приводившими в восторг их жен и сестер: дело в том, что затянувшаяся осада привлекла к стенам Гранады гораздо больше представительниц прекрасного пола, чем этого требовалось для свиты королевы. Осмотр затянулся до ночи, и лишь темнота на время умерила общее любопытство. Особый интерес вызывал Львиный двор, оставленный Боабдилем в лучшем состоянии, – восточная прелесть этого двора, вернее, то, что от нее сохранилось, до сих пор славится по всему свету. Несмотря на зимнее время, там все утопало в цветах, возвращенных искусными руками. Смежные залы – зал Двух Сестер и зал Абенсеррахов²⁸ – были ярко освещены и заполнены пестрыми толпами придворных, воинов, почтенных священнослужителей и разряженных красавиц.

Альгамбра настолько превосходила все остальные дворцы, возведенные магометанами на Пиренейском полуострове, что даже испанцы, привыкшие к особенностям легкой мавританской архитектуры, были поражены свежестью, новизной и одновременно царственным величием этого сооружения. Стены были украшены сложными резными узорами – искусство чисто восточное, неведомое европейцам, – и причудливыми, изящными арабесками, созданными изумительной фантазией величайших мастеров, искусство которых дожило до наших дней и теперь известно повсюду, разве что за исключением Нового Света. Струи фонтанов сверкали во дворах, рассыпаясь алмазными брызгами.

В толпе придворных, прогуливавшихся среди всей этой поистине сказочной роскоши, находилась и Беатриса де Бобадилья, давно уже ставшая женой дона Андреса де Кабрера маркиза де Мойя и теперь носившая его имя. Она по-прежнему оставалась ближайшей и самой доверенной подругой королевы, с которой ее разлучила только смерть последней. На руку маркизы де Мойя легко опиралась юная девушка такой редкой красоты, что мало кто проходил мимо, не оглянувшись, чтобы еще хоть раз посмотреть на столь необычное лицо и фигуру. Это была донья Мерседес де Вальверде, одна из самых богатых и знатных наследниц Кастилии, подопечная, родственница и приемная дочь королевской подруги – именно подруги, потому что слово «фаворитка» никак не соответствовало отношениям между доньей Беатрисой и Изабеллой. Однако вовсе не красота делала Мерседес такой необыкновенной и привлекательной: несмотря на всю ее женственность, изящество и бесспорную прелесть черт, она бы затерялась в толпе более блестящих придворных красавиц. Но ни у одной кастильской девушки не было столь одухотворенного лица, как у Мерседес, или правильнее было бы сказать, что лицо ее отличалось редкой для женщин выразительностью: сияние души, доброта и чувствительность

²⁸ *Абенсеррахи* – эмиры из династии, основанной Юсуфом ибн Насером в XIII в., и владевшие Гранадой до 1492 г.

светились в каждой его черточке. К тому же сейчас оно было ясно и безмятежно, а легкая тень грусти только придавала Мерседес особую привлекательность, ничем не умаляя ее красоты.

По другую сторону от маркизы де Мойя шел Луис де Бобадилья, чуть опережая свою знатную тетку и стараясь поймать взгляд Мерседес. Временами, преодолевая смущение, она обращалась к нему, и тогда ее прекрасные синие глаза встречались с горящими черными глазами юноши. Все трое непринужденно болтали о чем придется; король и королева уже удалились в свои покои, а разбившиеся на группки придворные были полностью поглощены новизной обстановки и своими разговорами.

– Нет, это просто какое-то чудо! – воскликнула донья Беатриса, продолжая беседу, явно интересовавшую всех троих. – Как случилось, что ты, морской бродяга и отчаянная голова, до сих пор ничего не слышал о Колумбе? Ведь он уже столько лет добивается высочайшей поддержки короля и королевы для осуществления своих планов! Кстати, они уже обсуждались на особом совещании в Саламанке. Да и при дворе у него есть сторонники.

– Например, донья Беатриса де Кабрера, – проговорила Мерседес с чуть грустной улыбкой, похожей на отблеск скрытого в глубине души светлого пламени. – Я часто слышала от ее высочества, что вы самая ярая защитница Колумба во всей Кастилии.

– Ее высочество редко ошибается, дитя мое, а в отношении меня – никогда. Да, я поддерживаю этого человека, ибо верю, что он из тех, кто предназначен для великих и славных дел. А то, что он предлагает, намного превосходит самые смелые человеческие планы и даже мечты! Подумай только о людях, обитающих по ту сторону земли, о прямых и коротких путях к ним, о возможности принести им блага нашей святой церкви!

– Конечно, тетушка, конечно! – смеясь, воскликнул Луис. – А вы подумайте о том, какой у вас будет вид в их чудесной компании, когда вам придется прогуливаться вверх ногами, вниз головой! Надеюсь, этот Колумб уже приобрел опыт в таком способе передвижения – без долгой практики там вряд ли можно твердо стоять на ногах! Я бы на его месте начал с окрестных гор, как с букваря: пусть вперед научится ходить по крутым склонам, держась к ним под прямым углом. После этого пусть переходит к грамматике: стены и башни Альгамбры послужат ему подходящими ступеньками к новым успехам!

Мерседес инстинктивно сжала руку своей опекуни, когда та призналась, что верит в великий замысел генуэзца; насмешки же дона Луиса огорчили ее. Она нахмурилась и бросила на юношу взгляд, полный укоризны. Дон Луис больше всего на свете желал завоевать любовь воспитанницы своей тетки, и одного ее неодобрительного взгляда порой бывало достаточно, чтобы погасить кипучую жизнерадостность, которая часто толкала его на вздорные и легкомысленные поступки, в действительности не соответствовавшие серьезности его ума и характера. Теперь же, уловив такой взгляд, он постарался как можно скорее исправить свою ошибку, а потому, едва закончив последнюю фразу, тут же добавил:

– Но я вижу, донья Мерседес тоже принадлежит к партии Колумба. Похоже, он пользуется гораздо большим успехом у кастильских дам, чем у кастильских грандов!

– И в этом нет ничего удивительного, – с задумчивым видом прервала его девушка. – Женщины вообще более чутки ко всему благородному, более восприимчивы к смелым мыслям и более ревностны в богоугодных делах, чем мужчины.

– Наверно, так оно и есть, раз уж вы и моя тетушка донья Беатриса стали на сторону мореплавателя. Однако я хочу, чтобы вы меня поняли правильно: мои слова не всегда соответствуют моим мыслям.

Услышав такое признание, Мерседес лукаво улыбнулась, а дон Луис продолжал:

– Я ведь не обучался искусству менестрелей и красноречию служителей церкви. Говоря по чести, меня самого поразил этот благородный замысел, и, если сеньор Колумб действительно отправится на поиски Катая и нового пути в Индию, я буду просить ее высочество отпустить меня вместе с ним. Сейчас, когда мавры побеждены, рыцарю нечего делать в Испании.

– Если ты и в самом деле отправишься в Китай, – с иронией заметила донья Беатриса, – там наверняка окажется, по крайней мере, один человек, который ходит на голове. Однако я вижу, меня ищет придворный; наверно, ее высочество ждет меня.

Маркиза де Мойя была права: посланец королевы сообщил, что Изабелла хочет ее видеть.

Поздний час и строгие нравы Кастилии не позволяли Мерседес продолжать прогулку в сопровождении только Луиса, поэтому донья Беатриса отвела их к себе. В соответствии с ее высоким титулом и положением при дворе маркизе предоставили один из бесчисленных роскошных покоев мавританского властителя. Но даже здесь донья Беатриса снова заколебалась, не решаясь оставить воспитанницу наедине со своим легкомысленным племянником.

– Впрочем, этот морской бродяга, к счастью, не трубадур и не станет тебя прельщать рифмованными небылицами, – наконец сказала она, обращаясь к Мерседес. – Конечно, было бы проще отправить его распевать серенады внизу, под твоим балконом, но, хорошо зная его бестолковость, я, пожалуй, доверю тебя ему на несколько минут, пока не вернусь. У этого кавалера так сильно отвращение к неестественным позам, что он вряд ли бросится на колени даже ради улыбки самой прелестной девушки во всей Кастилии!

Дон Луис расхохотался, донья Беатриса улыбнулась, поцеловала свою воспитанницу и вышла, оставив Мерседес в полнейшем смущении: щеки ее пылали и она не решалась поднять глаз.

Луис де Бобадилья давно уже был общепризнанным поклонником и верным рыцарем Мерседес де Вальверде, однако, несмотря на знатность, богатство, связи и привлекательность, что-то мешало его полному успеху. Казалось бы, все благоприятствовало такому браку, и все же донья Беатриса никак не могла преодолеть свои предубеждения. Необычайно строгая к себе, воспитанная своей царственной госпожой в духе непреклонной справедливости, слишком гордая, чтобы решиться на какой-либо неблагоприятный поступок, маркиза де Мойя колебалась уже потому, что этот брак давал ее племяннику слишком большие преимущества.

Кастильская строгость и сдержанность были мало свойственны дону Луису, к тому же его естественную живость многие принимали за суетность и легкомыслие. Его мать происходила из очень знатного французского рода, поэтому гордые кастильцы полагали, что дон Луис унаследовал от нее склонность к некой фривольности, которая считалась врожденным недостатком всей французской нации. Может быть, именно сознание, что на родине к нему относятся несправедливо, и заставило юношу пуститься в странствия по чужим землям. По возвращении, подобно всем наблюдательным путешественникам, он еще яснее видел недостатки своей страны и общества, еще острее ощущал отчужденность от всех тех, кто бы мог стать его ближайшими друзьями, и опять отправлялся в дальние страны. Лишь рано вспыхнувшая и все возрастающая любовь к Мерседес каждый раз заставляла его возвращаться в Кастилию. Так и теперь: он вернулся только ради нее и, к счастью для себя, успел принять участие в осаде Гранады.

Несмотря на эту особенность своего беспокойного нрава, которая в такой стране, как Испания, считалась, по меньшей мере, странностью, Луис де Бобадилья оставался рыцарем, достойным своего рода и имени. Подвиги на поле боя и на турнирах принесли ему заслуженную славу, которую не могли поколебать разговоры обо всех его так называемых недостатках. Впрочем, его считали скорее юношей дерзким и даже опасным, чем порочным или сбившимся с пути. За воинские доблести, особенно в те времена, прощали многое, а дон Луис прославился на всю Испанию, когда выбил из седла самого Алонсо де Охеду, опытного турнирного бойца. Такому человеку нельзя было указать на дверь, но это не мешало относиться к нему с недоверием. Однако поведение тетки Луиса в равной степени определялось особенностями не только его, но и ее собственного характера.

Донья Беатриса прекрасно понимала и глубоко ценила истинные достоинства своего племянника, ускользавшие от поверхностных наблюдателей, и все-таки не решалась выдать за него

богатую невесту, доверенную ее заботам. Родство между Луисом и Мерседес было слишком близким, и многие отнеслись бы к их браку с неодобрением. Кроме того, она боялась своего пристрастного отношения к Луису. А что, если он на самом деле окажется тем ветрогоном, каким его считают строгие кастильцы? Ведь тогда счастье ее воспитанницы будет принесено в жертву недостойному человеку! Такого рода сомнения заставляли донью Беатрису довольно холодно смотреть на ухаживания своего племянника за Мерседес, хотя втайне она желала этого брака. Она не могла совершенно прекратить их встречи без достаточно веских на то оснований, однако не раз выражала Мерседес свое недовольство и старалась никогда не оставлять столь привлекательного поклонника наедине со своей воспитанницей, хотя делать это было довольно трудно, потому что он частенько гостил в их доме.

Что же до чувств Мерседес, то о них никто не знал, кроме нее самой. Она была хороша собой, из знатной семьи, и ее ожидало богатое наследство. Ей не раз приходилось слышать о мнимых недостатках дон Луиса от тех, кто завидовал его удачам и красоте: ведь в XV веке, так же как и сегодня, пороки часто скрывались за приятной внешностью! При таких обстоятельствах лишь немногие девушки решились бы открыто выказать свои чувства, пока еще не сделан окончательный выбор и не принято решение связать с любимым свою судьбу наперекор всему свету. Пылкая восторженность, столь свойственная юной кастильской красавице, умерялась природной осмотрительностью, которая удерживала ее от поспешных решений. Этому способствовали и всякие условности, обычно связывавшие девушек ее положения. Поэтому даже сам дон Луис, следивший за каждым ее взглядом и жестом с нетерпением и пронизательностью влюбленного, так и не знал, сумел он тронуть ее сердце или нет. Но сейчас благодаря непредвиденному стечению обстоятельств, от которых часто зависят судьбы людей влюбленных и не влюбленных, все эти сомнения должны были разрешиться самым внезапным и непредвиденным образом.

Победа испанского оружия, новизна обстановки, события всего этого шумного дня взволновали Мерседес, и ее чувства, обычно глубоко скрытые и подавляемые девичьей застенчивостью, сегодня рвались наружу. Она, чья улыбка всегда была приятна, глаза всегда ясны, а лицо вспыхивало от малейшего душевного волнения, в тот вечер улыбалась особенно радостно, глаза ее сверкали еще ярче и румянец на щеках полыхал еще горячее.

Когда донья Беатриса вышла из комнаты, оставив молодых людей наедине впервые после возвращения Луиса из последнего путешествия, Мерседес опустилась на роскошный диван, где лишь накануне возлежала одна из принцесс рода Абдаллахов, а юноша поспешил устроиться на низеньком табурете у ног своей возлюбленной.

– Я всегда чтил нашу королеву, – быстро заговорил Луис, – но сейчас моя признательность и уважение к ней многократно возросли! Жаль только, что она послала за моей любимой тетушкой всего один раз, – три было бы втрое лучше! И дай бог, чтобы ее присутствие было столь необходимо нашей повелительнице, чтобы без нее она не могла решить ни одного государственного вопроса и вообще держала ее при себе как можно дольше! Тогда бы я воспользовался счастливым случаем и наконец высказал вам мои чувства, донья Мерседес!

– Луис де Бобадилья, я слышала, что чувства глубже всего вовсе не у тех, кто больше всех и громче всех о них говорит.

– Но и у таких людей есть чувства! Мерседес, как можете вы сомневаться в моей любви? Она росла вместе со мной, зрела вместе с моим разумом и теперь настолько с ним неразрывна, что, о чем бы я ни думал, передо мной возникает ваш образ. Я вижу вас во всем, что есть на земле прекрасного! В пении птиц я слышу ваш голос и звуки вашей лютни, а теплый ветер с благоуханных островов кажется мне вашим дыханием.

– Вы чересчур долго вкушали легкомыслие французского двора, дон Луис, и, видно, успели забыть, что у кастильских девушек простые и искренние сердца – им ни к чему нежные серенады!

Будь наш герой постарше или поопытнее в обращении с женщинами, он бы только обрадовался такому ответу, а в особенности тому, каким тоном он был высказан. Но Луис этого не понял.

– Вы жестоко несправедливы ко мне! Как можно называть это «серенадами»?! Я могу сомневаться в своих собственных мыслях и чувствах, но все, что произносят мои уста, подсказано сердцем. Вспомните, Мерседес, ведь я люблю вас с самого детства! Уже тогда вы стали для меня единственной, хотя мы оба еще были детьми, увлеченными играми и забавами невинного возраста.

– Да, поистине невинного, – повторила Мерседес, и взгляд ее загорелся, словно светлые воспоминания о веселых проказах тех дней подбавили в него огня. И разом, в одно мгновение, рухнула стена, которую возвели между ними годы постоянных наставлений и поучений. – Вот тогда вы действительно были искренни, Луис! Тогда я всей душой верила в вашу дружбу, верила, что вы с радостью исполняете мои желания.

– О, спасибо, спасибо вам за эти драгоценные слова, Мерседес! Первый раз за два года вы говорите со мной откровенно, впервые называете меня просто Луисом, без этого проклятого титула «дон»!

– Кастильский дворянин не может забывать о своем высоком звании и не должен позволять этого другим, – ответила наша героиня с таким видом, словно уже сожалела о допущенной ею фамильярности. – Благодарю вас за то, что вы сразу мне об этом напомнили, дон Луис де Бобадилья.

– Что за несчастный у меня язык – всегда болтает не то, что нужно! Но подумайте, разве мои слова, и дела, и все домыслы не говорят о желании служить вам одной, прекрасная Мерседес? Когда сама королева приветствовала мою победу на последнем турнире, разве не вас искал я глазами? Разве было у вас хоть одно желание, которое я тотчас не бросился бы исполнить?

– Было, Луис. Осмелюсь напомнить вам, что я была против вашего последнего путешествия на север, но вас это не удержало. Я чувствовала, что донья Беатриса недовольна: ваша любовь к странствиям ей не по душе, она боится, что так вы совсем превратитесь в бродягу и навлечете на себя немилость королевы.

– Знаю: вы только потому и хотели меня удержать, но вместо этого лишь оскорбили мое самолюбие. Мне было горько думать, что Мерседес де Вальверде судит обо мне так плохо, что действительно опасается, как бы человек с моим именем и положением не связался с шайкой пиратов!

– Откуда вы знаете, что я так о вас думала?

– Если бы вы попросили меня остаться ради вас, Мерседес, – нет, если бы вы даже возложили на меня тягчайшие обязанности, как на своего рыцаря, или подарили мне хоть каплю вашей благосклонности, я бы скорее расстался с жизнью, чем с Кастилией! Но даже ласкового взгляда я не получил в награду за все, что мне пришлось за вас выстрадать...

– Выстрадать, Луис?

– Разве это не страдание и не мука? Я люблю вас так, что готов целовать землю, по которой вы ступаете, а в ответ – ни доброго слова, ни дружеского взгляда, ни единого знака, который бы говорил, что та, чей образ я храню в душе как святыню, относится ко мне хоть немного иначе, чем к беззаботному бродяге и ветреному искателю приключений!

– Луис де Бобадилья, тот, кто знает вас по-настоящему, не может о вас так думать!

– Тысячу благодарностей за эти добрые слова и еще десять тысяч – за ласковую улыбку, которая их сопровождала! А теперь, любимая, я готов исполнить любое ваше желание...

– Мое желание, дон Луис?

– Готов претерпеть самые суровые упреки в нескромности и неприличии, лишь бы вы снизили до меня и сказали, почему вам не безразличны мои поступки, почему они доставляют вам радость или, скажем, огорчение.

– Но как же может быть иначе? Разве вы, Луис, могли бы равнодушно следить за судьбой человека, которого знали с детства и уважали как друга?

– «Уважали»? Ах, Мерседес, неужели большего я не заслужил?

– Это совсем не мало, Луис, когда уважают. Тот, кто ценит добродетель, не отдаст свое уважение недостойному, а вас, зная ваше золотое сердце и рыцарскую доблесть, невозможно не уважать. К тому же я никогда ни от кого не скрывала своего уважения к вам.

– Вы говорите это так, словно нечто другое скрываете. Ах, Мерседес, будьте снисходительны до конца! Признайтесь, что к чувству уважения примешивалось, пусть изредка, пусть совсем робко, но другое, более нежное чувство! Признайтесь!

Мерседес вспыхнула, однако и на сей раз не дала желанного ответа. Некоторое время она молчала. А когда заговорила, то голос ее звучал неуверенно и часто прерывался, словно она сама не знала, нужно ли и можно ли говорить о том, что она собиралась сказать.

– Вы много путешествовали, Луис, много бывали в дальних краях и даже навлекли на себя кое-чье недовольство своей любовью к бесконечным скитаниям, – осторожно начала Мерседес. – Почему бы вам снова не завоевать доверие вашей тетушки тем же самым способом, каким вы его потеряли?

– Я вас не понимаю. Вы воплощение осторожности, – и вдруг такой странный совет!

– Люди скромные и осторожные хорошо обдумывают свои поступки и слова, и таким можно верить. Если не ошибаюсь, смелый замысел Колумба поразил вас, хотя вы и пытались скрыть это за насмешливыми речами.

– Отныне я буду относиться к вам еще с большим уважением, Мерседес, потому что, несмотря на мое дурацкое поведение и легкомысленную болтовню, вы сумели разглядеть истинное чувство, затаенное в самой глубине моей души. Да, вы не ошиблись! С тех пор как я услышал об этом грандиозном плане, он не выходит у меня из головы. Образ генуэзца теперь все время появляется рядом с вашим, любимая, он у меня в сердце и перед глазами. И мне кажется, что в его словах должна быть доля истины: столь благородный замысел не может состоять из одной лжи!

Мерседес не сводила с дона Луиса пристального взгляда, и огромные прекрасные глаза ее постепенно разгорались тем ярким огнем восторга, который обычно бывает глубоко скрыт и вспыхивает лишь в минуты сильного душевного волнения.

– Да, в нем не может быть лжи! – торжественно проговорила Мерседес. – Само Небо внушило генуэзцу его высокий замысел, и рано или поздно он докажет свою правоту. Представьте себе, что корабль обогнул всю землю, далекие восточные и жаркие страны приблизились к нам и тень креста осенила даже опаленный солнцем Китай! Это возвышенные, смелые мечты, Луис, и тот, кто может их осуществить, тот, кто удостоится чести быть участником столь великого дела, покроет себя неуязвимой славой!

– Клянусь Небом, я завтра же с утра найду генуэзца и попрошу его взять меня с собой! Если дело стало только из-за денег, то это легко поправить.

– Вы говорите, как подобает благородному, щедрому и бесстрашному кастильцу! – воскликнула обычно сдержанная Мерседес с несвойственным ей пылом. – Вот слова, достойные Луиса де Бобадилья! Но у нас обоих сейчас не так уж много золота, а для такого дела его понадобится гораздо больше, чем может найтись у простого подданного. Кроме того, в случае успеха Колумб откроет обширные новые земли, которыми надо будет кому-то управлять и распоряжаться, так что подобная экспедиция под силу только нашим государям. Мой могущественный родственник герцог Медина Сели подробно ознакомился с планами Колумба и отнесся к ним одобрительно, как это видно из его писем к королеве. Но даже он считает это дело для себя непосильным и употребил все свое влияние, чтобы склонить нашу повелительницу на сторону генуэзца. Поэтому нечего и думать, что вы один сумеете осуществить столь великое предприятие, если им не заинтересуются наши государи.

– Вы знаете, Мерседес, при дворе я не пользуюсь влиянием и ничем не могу помочь Колумбу! Король слишком холоден, осторожен, неискренен и смотрит косо на всех, кто на него не похож.

– Луис, стыдитесь! Вы находитесь в его дворце, под его кровом и пользуетесь его покровительством и гостеприимством!

– Нет, только не я! – с горячностью возразил юноша. – Это жилище моей царственной повелительницы доньи Изабеллы. Гранада завоевана Кастилией, а не Арагоном. О королеве, Мерседес, вы не услышите от меня ни одного непочтительного слова, ибо она так же благородна, справедлива и добра, как вы. А что касается короля, то у него множество тех же самых недостатков, которые присущи всем нам, корыстным и безнравственным мужчинам. Даже среди самих арагонцев вряд ли найдется хоть один юный рыцарь с горячей кровью, который бы искренне и честно любил дону Фердинанда. Зато донью Изабеллу боготворит вся Кастилия!

– Может быть, вы отчасти и правы, Луис, но все равно говорить об этом опасно. Дон Фердинанд наш король, и, хотя я не так уже много бываю при дворе, мне кажется, что тем, кто вершит судьбы простых смертных, часто приходится потакать их слабостям, чтобы порочность людей не восстала против самых мудрых решений. Кроме того, как можно искренне любить жену и не уважать ее мужа? Мне кажется, супруги так тесно связаны между собой, что у них один характер, одни достоинства и одни недостатки.

– Надеюсь, вы не станете сравнивать искреннее благочестие и добродетели нашей царственной повелительницы с осторожностью и лукавством нашего погрязшего в интригах короля!

– Я не хочу их сравнивать, Луис. Мы обязаны их одинаково чтить и повиноваться им обоим. И если в донье Изабелле больше искренности и чистосердечия, присущего женщинам, то разве не объясняется это теми различиями, которые существуют между женщиной и мужчиной?

– Если бы я действительно думал, что вы хоть в какой-то мере относитесь ко мне так же, как к этому расчетливому и лицемерному королю Арагонскому, я бы при всей моей любви к вам сбежал куда глаза глядят, чтобы не сгореть со стыда!

– Никто не собирается вас равнять с лицемерами или обманщиками. Просто иногда бывает лучше промолчать, чем говорить правду, а вы этого не умеете, вот как сейчас. А когда вам об этом говорят, у вас делается такой вид, словно вы готовы ринуться на обидчика и пронзить его копьем!

– Должно быть, я не очень-то хорошо выгляжу, если мой вид вызывает у вас подобные мысли, прекрасная Мерседес! – с упреком ответил юноша.

– Я вовсе не себя имела в виду, – поспешила поправиться Мерседес, и на щеках ее снова вспыхнул румянец. – Ко мне вы всегда были снисходительны и добры, Луис. Я только хотела, чтобы, говоря о короле, вы высказывались осторожнее.

– Ну хорошо. Вы начали говорить о том, что я морской бродяга...

– Нет, нет! Я таких слов не говорила! Это ваша тетушка могла бы так сказать, да и то без всякого намерения вас обидеть. А я сказала, что вы много путешествовали и побывали в дальних краях.

– Хорошо. Возможно, я и заслужил прозвище бродяги, поэтому не стану жаловаться. Вы сказали, что я много странствовал, повидал далекие земли, и с одобрением отзывались о планах гемуэца. Насколько я понял, вы хотите, чтобы я присоединился к этому искателю приключений, не так ли, Мерседес?

– Да, Луис, вы меня правильно поняли. Я считаю, что это смелое предприятие вполне достойно вашего дерзкого разума и вашей воинской доблести. А слава, которую оно вам принесет в случае успеха, заставит забыть все ваши прежние ошибки, совершенные под влиянием горячности и неопытности.

С минуту дон Луис молчал и пристально смотрел на раздумывавшееся лицо Мерседес. Глаза ее сияли огнем возвышенного восторга, но в сердце юноши зашевелился червь ревности и сомнения. Он спрашивал себя, действительно ли это прелестное создание так искренне печется о его судьбе и не кроется ли за желанием отправить его в далекий путь какая-нибудь задняя мысль?

– Больше всего я хотел бы сейчас заглянуть в вашу душу, донья Мерседес, – наконец проговорил он. – Девичья скромность и робость очаровывают и ослепляют нас, делая вашими рабами, и в то же время держат нас в полном неведении. Всем этим чарам я предпочел бы сейчас открытую схватку на поле боя с поднятым забралом! Значит, вы хотите, чтобы я отправился в экспедицию, которую большинство разумных и осторожных людей, в частности дон Фердинанд, коего вы так чтите, считают безумной и обреченной на верную гибель? Если это так, я завтра же отправлюсь куда глаза глядят, лишь бы избавить вас от своего ненавистного присутствия и не мешать вашему счастью!

– Как вы можете говорить так, дон Луис! Что дало вам право для столь жестоких и несправедливых подозрений! – воскликнула Мерседес. Подобное недоверие заслуживало самых суровых слов, но, несмотря на всю свою гордость, девушка не могла совладать с собой, и слезы обиды брызнули у нее из глаз. – Вы знаете, что никто здесь не желает вам зла, вы знаете, что все готовы воздать вам должное, хотя от сдержанных и осторожных кастильцев трудно ожидать, чтобы они относились к такому скитальцу, как вы, с тем же одобрением, как к какому-нибудь любезному придворному или добродетельно-суровому рыцарю.

– Простите меня, дорогая Мерседес, но ваша холодность и неприязнь порой сводят меня с ума!

– Холодность! Неприязнь! Как вам не совестно, Луис де Бобадилья! Когда Мерседес де Вальверде была такой с вами?

– Боюсь, что и сейчас донья Мерседес де Вальверде подвергает меня подобному испытанию.

– В таком случае, вы просто не понимаете моих побуждений и дурно судите о моем сердце. Нет, Луис, я не испытываю к вам неприязни и не могу быть с вами холодна. Но раз подобные подозрения настолько овладели вами и причиняют вам страдание, я постараюсь говорить яснее. Я даже готова поступиться своей девичьей гордостью, позабыть о сдержанности и осторожности, приличествующих моему положению, лишь бы избавить вас от сомнений, хотя и знаю, что потом вы можете подумать обо мне бог весть что и, может быть, даже снова устремитесь очертя голову в какое-нибудь невообразимое плавание на поиски новых приключений. Но все равно, я скажу: советуя вам присоединиться к Колумбу и добровольно принять участие в осуществлении его благородного замысла, я заботилась только о вашем счастье. Сколько раз, снова и снова вы клялись, что ваше счастье...

– Мерседес! О чем вы говорите? Мое счастье – это вы!

– А для того, чтобы я была с вами, вам нужно оправдать в глазах людей вашу склонность к бродяжничеству каким-либо достойным делом, которое принесет вам славу, побудит донью Беатрису выдать свою воспитанницу за своего дерзкого племянника и завоюет вам расположение доньи Изабеллы.

– А ваше? Поможет ли мне это плавание завоевать вас, вашу благосклонность?

– Луис, если вы так уж хотите это услышать, – вы уже завоевали меня... Нет, нет, умерьте вашу пылкость и выслушайте меня до конца! Я призналась вам в том, о чем девушке не следовало бы говорить, но больше я не забудусь. Без доброго согласия моей опекуниши и милостивого одобрения ее высочества я ни за кого не выйду замуж, даже за вас, Луис де Бобадилья, как ни дороги вы моему сердцу...

Слезы нежности навернулись у нее на глаза, мешая говорить, но она продолжала:

– Я не могу выйти замуж без одобрения тех, кто имеет право радоваться или печалиться за судьбу одной из наследниц рода Вальверде. Мы с вами не пастух и пастушка, нас должен венчать епископ в кругу многочисленных друзей, приносящих нам свои искренние поздравления. Ах, Луис, вы упрекнули меня в холодности и безразличии... – Подавленное рыдание на миг прервало речь благородной девушки. – Нет, молчите, слушайте меня! Пока сердце переполнено, дайте мне излить душу, потому что потом стыд и сожаление заставят меня горько раскаиваться в своей откровенности. Не все были так же слепы, как вы! Наша милостивая королева прекрасно разбирается в женской душе и давно уже открыла то, чего вы никак не хотели видеть. Только ее прозорливость и мудрость помешали мне давно уже открыть вам все или хотя бы часть того, в чем я сейчас призналась вам, сама того не желая...

– Как, неужели донья Изабелла тоже против меня? Неужели мне придется убеждать ее так же, как мою слишком рассудительную и не в меру щепетильную тетушку?

– Луис, горячность делает вас несправедливым. Донья Беатриса де Мойя никогда не была ни слишком рассудочной, ни излишне щепетильной, она только осторожна. Более верного и более благородного друга, чем она, трудно сыскать, а по характеру она сама искренность и простота. Многие из того, что мне дорого в вас, перешло к вам из ее рода, и за это вы должны ее только благодарить. Что касается ее высочества Изабеллы, то ее достоинства мне, надеюсь, не придется защищать. Вы сами знаете, что она относится к своим подданным, как родная мать, что для нее мы все одинаково дороги, во всяком случае, все, кого она знает, и что если она что-нибудь делает, то лишь из добрых чувств и осторожности, внушенной мудростью поистине бесконечной, как выразился при мне один кардинал.

– Ах, Мерседес, когда вся Кастилия служит тебе треном, а Леон и другие богатейшие провинции – скамеечкой для ног, не так уж трудно быть осмотрительной, мудрой и доброй!

– Дон Луис! – прервала его девушка с поистине не женской твердостью и чисто женской искренностью. – Если вы хотите сохранить мое уважение, никогда не говорите так о моей высокой госпоже! Все, что она сделала для меня, было сделано из материнских побуждений, с материнской добротой, а теперь, после ваших несправедливых слов, я бы прибавила – и с материнской осмотрительностью!

– Простите меня, любимая, обожаемая Мерседес! После того, что вы мне так великодушно доверили, вы мне в тысячу раз дороже и ближе. Но я не успокоюсь, пока не узнаю, что говорила о нас с вами королева.

– Вы знаете, как она всегда была ласкова и милостива ко мне, Луис, и как я должна быть благодарна ей за снисходительность и доброту. Не знаю, как это получилось, но даже ваша тетушка ничего не подозревала о моих чувствах к вам, так же как и все прочие мои родственники. А вот королева проникла в мою тайну еще тогда, когда она была скрыта от меня самой. Вы помните турнир, после которого вы тотчас покинули нас и отправились в свое последнее безумное путешествие?

– Конечно, помню! Только ваша холодность в миг моего торжества, когда я вышел победителем, заставила меня бежать из Испании куда глаза глядят, хоть на край света!

– Если бы этого было достаточно, чтобы добраться до края света, все препятствия были бы уже сейчас устранены и мы бы зажили счастливо, ни о чем больше не думая, – проговорила Мерседес с лукавой улыбкой, но тут же голос и взгляд ее смягчились, и она ласково прибавила: – Но боюсь, что вы просто подвержены приступам безумия и никогда не перестанете стремиться на край света, а то и дальше.

– Одного вашего слова достаточно, чтобы я навсегда осел на одном месте, как эти башни Альгамбры. Одной вашей улыбки в день довольно, чтобы приковать меня к вам крепче, чем пленного мавра. Любуясь вашей красотой, я позабуду обо всем на свете!.. Но что же ее высочество – вы не рассказали о том, что говорила королева.

– Тогда вы одержали победу, Луис! Весь цвет кастильского рыцарства участвовал в этом турнире, но с вами никто не мог сравниться. Даже Алонсо де Охеда был выбит из седла вашим копьем! Ваше имя было у всех на устах, все восхваляли вас и готовы были забыть ваши прошлые ошибки. Все, кроме одного человека.

– И это были, конечно, вы, жестокая Мерседес!

– Вы должны меня знать лучше, несправедливый Луис! Я в тот день видела на турнирном поле только благородного, великодушного и мужественного рыцаря, наделенного всеми рыцарскими достоинствами. Самой осмотрительной оказалась королева. После окончания торжества она призвала меня в свою ложу, почти час милостиво и ласково беседовала со мной и лишь после этого коснулась наконец истинного существа дела. Она заговорила, Луис, о нашем христианском долге, о долге женщин, а главное – о тех торжественных обязательствах, которые возлагает на нас брак, и о многих неизбежно связанных с ним трудностях, если не страданиях. Она растрогала меня до слез своей материнской добротой и взяла с меня обещание, которое я подтвердила добровольным обетом, что, пока она жива, я не пойду под венец без ее личного благословения или, по крайней мере, письменного согласия в случае ее болезни или отсутствия.

– Клянусь святым Денисом Парижским! Королева воспользовалась вашим чистосердечием и добротой душевной, чтобы настроить вас против меня!

– Нет, Луис, ваше имя даже не было ни разу упомянуто! И я бы не стала вам говорить об этом, если бы в продолжение всего разговора не думала только о вас. Не знаю, для чего королева взяла с меня такое обещание, но ваш образ все время стоял передо мной, и – я чувствую сердцем, хотя, может быть, и ошибаюсь, – мне кажется, она это сделала, чтобы я не вышла за вас без ее согласия. Однако материнское сердце и доброта доньи Изабеллы всем известны, и я не сомневаюсь, что она пойдет навстречу моим желаниям, когда убедится, что я сделала достойный выбор, хотя чересчур осторожным людям такая уверенность может показаться не совсем обоснованной.

– Значит, вы думаете, Мерседес, вы чувствуете сердцем, что королева взяла с вас это обещание, опасаясь именно меня?

– Да, я так думаю, потому что, как я уже призналась наперекор своей девичьей гордости, в тот день вы не выходили у меня из головы. После вашей победы все только о вас и говорили, так что неудивительно, если я тоже о вас думала.

– Мерседес, вы не станете отрицать: королева выманила у вас этот обет из страха передо мной!

– Конечно, стану отрицать! И впредь уже не буду с вами так откровенна: вы мне дали хороший урок. Но как вы можете говорить, что королева сделала что-то из страха перед вами? О вас она просто не думала. Она по-матерински заботилась обо мне. Не стану скрывать: возможно, ваше умение нравиться и вызвало ее опасение, что девушка – сирота вроде меня, больше доверяющая своим чувствам, нежели рассудку, может по неосторожности выйти замуж за человека, которому дальние страны дороже семьи, собственного дома и родовых замков.

– И вы намерены исполнить свой обет?

– Луис! Вы не думаете о том, что говорите, иначе вы бы не задали мне такой вопрос! Какая христианка забывает о своих обетах, будь то паломничество или покаяние? И почему я должна быть хуже других? Кроме того, даже не будь этого обета, одного пожелания из королевских уст достаточно, чтобы удержать меня от брака. Донья Изабелла моя государыня, моя госпожа, даже больше – моя мать. Даже донья Беатриса не печется так о моем счастье, как ее высочество. Прошу вас, Луис, выслушайте меня, не протестуйте и не перебивайте! Много лет я терпеливо внимала вашим речам; сегодня моя очередь говорить, а ваша – слушать. Я не думаю, чтобы королева имела в виду именно вас, когда я давала это обещание. Заметьте: давала добровольно, никто у меня его не «выманивал», как вы посмели выразиться о ее высо-

честве! Может быть, донья Изабелла видела в ваших ухаживаниях за мной какую-то опасность для меня и, наверно, полагала, что такой непоседливый муж вряд ли даст семье счастье. Но если даже ее высочество отнеслась к вам несправедливо, Луис, если донья Изабелла не сумела оценить ваше благородное и великодушное сердце, то это лишь потому, что она обманулась в вас, как и многие другие при дворе. Но разве можно ее винить за то, что она вас плохо знает? Сколько раз вы покидали Кастилию! А когда возвращались, разве вы достаточно ревностно относились к своим обязанностям при дворе, которые налагают на вас знатный род и долг перед королевой? Разумеется, ее высочество и все ее окружающие оценили ваше воинское искусство на турнире. Во время этой последней войны с маврами вас тоже нередко превозносили за славные подвиги. Но если ум женщины восхищается силой и мужеством, то сердце мечтает об иных, менее громких и более постоянных достоинствах своего избранника, столь необходимых для счастья в тесном семейном кругу у домашнего очага. Это донья Изабелла поняла, почувствовала и испытала на себе, хотя ее брак с королем Арагонским и можно назвать счастливым. Что же удивительного, если она и мне желает того же? Нет, Луис, страсть ослепила вас, и вы несправедливы к нашей королеве. А ведь сейчас вам надо завоевать ее расположение, если, конечно, вы искренне хотите получить мою руку.

– Но как это сделать, Мерседес? Мавры побеждены, а среди наших рыцарей вряд ли найдется хоть один, кто даже ради вас рискнет сразиться со мной!

– Такие подвиги королеве не нужны, а мне – тем более! Мы уже знаем вас как доблестного рыцаря. Вы сами сказали, что никто не захочет скрестить с вами копыта, и, уж конечно, никто не станет потакать подобным безумствам. Лучше всего вы сможете заслужить благосклонность королевы с помощью того же Колумба.

– Кажется, я начинаю понимать. Однако мне хотелось бы услышать все до конца из ваших уст.

– В таком случае, я буду говорить так ясно, как только смогу, – продолжала пылкая кастильянка, все больше воодушевляясь, и нежное лицо ее разгоралось все жарче, словно озаряемое внутренним огнем. – Вам уже известны планы сеньора Колумба и то, как он надеется их осуществить. Я была еще ребенком, когда он впервые прибыл в Кастилию, чтобы уговорить двор помочь ему в этом великом предприятии, и я знаю, что королева много раз была готова оказать ему содействие, если бы ее не удерживало равнодушие донна Фердинанда и ограниченность ее министров. Думаю, что она и сейчас относится к планам Колумба благосклонно: это видно хотя бы из того, что, когда он недавно простился со всеми, намереваясь покинуть Испанию и обратиться за поддержкой к другим государям, его удержали по настоянию отца Хуана Переса, бывшего исповедника ее высочества. Теперь Колумб здесь, как вы уже знаете. Он с нетерпением ждет аудиенции, и надо только напомнить королеве, чтобы она ее не откладывала. Если он получит каравеллы, которые просит, многие дворяне, без сомнения, захотят принять участие в его экспедиции: ведь в случае успеха она принесет всем его спутникам неувядаемую славу! И вы тоже могли бы быть в их числе.

– Даже не знаю, Мерседес, что и думать о таком предложении. Как-то странно, когда человека, к которому питают добрые чувства, стараются отправить в экспедицию, откуда он может вообще не вернуться!

– Бог вас сохранит! – воскликнула девушка. – Вы отправитесь в путь ради славы Господней, и Он будет сам направлять и защищать ваши каравеллы Своей могучей десницей!

Дон Луис де Бобадилья только улыбнулся. Он был далеко не столь религиозен, зато о реальных опасностях, подстерегающих мореплавателей, знал куда больше своей возлюбленной. Однако побуждения Мерседес теперь были ему ясны, хотя он и поспешил выразить свои сомнения. Да и само это плавание вполне отвечало его любви к странствиям и жажде новых опасностей и приключений. И Луис и Мерседес вполне сознавали, что в легкомыслии и в пристрастии к бродяжничеству его упрекали в общем-то не зря и что это служило единствен-

ным препятствием на пути к их счастью. Поэтому сейчас ему не понадобилось много времени, чтобы сообразить, как и чем он может завоевать расположение доньи Изабеллы и добиться ее согласия на брак с Мерседес. Однако кое-что все еще было Луису неясно.

– Если королева расположена поддержать этого Колумба, почему он до сих пор ничего не получил? – спросил юноша.

– Этому мешали война с маврами, пустая сокровищница и холодное равнодушие короля.

– А не будет королева смотреть на всех спутников Колумба как на вздорных безумцев, когда мы вернемся с пустыми руками, что наиболее вероятно, – если только вообще вернемся?

– Это совсем не похоже на донью Изабеллу! Если она сама примет участие в великом предприятии, то сделает это во славу Божью, а потому все, кто добровольно отправится вместе с Колумбом, уподобятся в ее глазах крестоносцам, рыцарям гроба Господня. А неудачи нечего опасаться, Луис! Вы вернетесь со славой, которая возвеличит вашу будущую жену и позволит ей гордиться вашим именем.

– Вы самая милая и восторженная защитница великих дел, Мерседес! Если бы можно было взять вас с собой, лучшего товарища в плавании я бы не стал искать!

Мерседес, как могла, ответила на эти лестные и, несомненно искренние слова, после чего беседа между влюбленными приняла более спокойный и рассудительный характер. Дону Луису удалось смирить свое нетерпение. Великодушная доверчивость Мерседес, с какой она постепенно открыла ему свое сердце, а также ее глубокая вера в успех в конце концов убедили его. Теперь дон Луис смотрел на это предприятие как на достойное всяческого внимания, а не только как на повод удовлетворить свою неумную страсть к приключениям.

Королева задержала донью Беатрису, и влюбленные провели с глазу на глаз целых два часа. Когда же маркиза де Мойя вернулась, ее беззаботный, непоседливый, но великодушный и доблестный племянник поспешил распрощаться.

Однако Мерседес и ее опекушка не спали до самой полуночи. Девушка поспешила обо всем рассказать маркизе и объяснить, что теперь все ее надежды связаны с предприятием Колумба. Донья Беатриса была и обрадована и огорчена этой исповедью, но в то же время не могла удержаться от улыбки перед такой изобретательностью любви, связавшей воедино великий план генуэзца с достижением личного счастья. Но по-настоящему сердиться она не могла. Луис де Бобадилья был сыном ее единственного, горячо любимого брата, и она невольно переносила на сына чувства, которые питала к отцу. Да и все, кто знал его, не могли не оценить привлекательного и благородного юного рыцаря, хотя людей более осмотрительных и настоящих раживала его излишняя смелость. Он мог бы при желании выбрать себе жену среди самых знатных красавиц Кастилии, и ничто не помешало бы ему, разве только какие-нибудь высшие соображения или совершенно необычные обстоятельства, препятствующие заключению брака. Поэтому маркиза охотно слушала свою воспитанницу, и, когда они наконец расстались на ночь, бесхитростная исповедь Мерседес, ее пылкое красноречие и наивная нежность почти окончательно привлекли донью Беатрису на сторону влюбленных.

Глава VI

*Попристальной взглядишь во тьму веков
И сам скажи: что сотворило время
С толпой ученых, мудрых стариков,
Познавших все и позабытых всеми?
Иль с воинами славными, пред кеми
Весь мир дрожал? Внимательно взгляни
И сам ответь, где ныне все они?*

«Руины времени»

Прошло несколько дней, прежде чем испанцы освоились в древней твердыне магометан. К тому времени жизнь в Альгамбре и в городе постепенно упорядочилась. После всех волнений и тревог, когда улеглось горе побежденных и ликование победителей, в Гранаде наступило некоторое успокоение. Дон Фердинанд, политик осторожный и далеко не мстительный, издал строгий приказ обращаться с маврами мягко и снисходительно; приказ этот быстро возымел действие, и жители Гранады начали возвращаться к своим привычным повседневным занятиям.

Однажды утром, на третий день после описанного выше разговора, Изабелла собрала у себя своих ближайших друзей, которые имели к ней доступ, можно сказать, в любое время. Ибо, хотя Кастилия и славилась строгостью придворного этикета, очевидно перенятого ею у мавританских соседей, благожелательный нрав королевы создал вокруг нее нечто вроде интимного кружка, войти в который считалось высшей милостью и в то же время доставляло избранным подлинную радость.

В те дни духовенство пользовалось особым почетом: оно проникало во все сферы жизни и часто оказывало на них решающее влияние.

Мы быстро замечаем подобные недостатки у других народов, особенно когда подчеркиваем все то зло, какое причинили им своим вмешательством представители римской курии. Но это лишь доказывает справедливость старой притчи о том, что мы охотнее замечаем чужие ошибки, нежели свои. Ибо ни один народ не допустил бы над собой такого жестокого контроля со стороны церкви, какой существует у нас, в Соединенных Штатах, особенно в тех городах, которые были основаны сектантами, где вся жизнь до сих пор зависит от этих сект. Но, пожалуй, самой характерной нашей чертой является сегодня стремление распространить контроль общества на все области жизни, далеко за пределы, установленные законами и уложениями. Этот новый культ, получивший пристойное наименование Общественного Мнения, является детищем и продолжением сектантских церквей с их всенародными исповедиями и покаяниями. Сектанты всегда стремились играть роль государства в государстве, чему немало способствовала их особая система иерархии, а также наши провинциальные обычаи.

Если так обстоят дела у нас самих, то что уж говорить о католиках или протестантах! Скажем только, что Изабелла была искренне набожна, а потому оказывала духовенству всяческие милости, когда они не шли вразрез с ее совестью. В частности, служители церкви имели к ней свободный доступ, и влияние их на королеву было весьма значительно.

Вот и сейчас в покоях королевы среди прочих приближенных находились Эрнандо де Талавера, только что назначенный архиепископом Гранадским, и отец Педро де Карраскаль, бывший наставник Луиса де Бобадилья, ученый богослов, известный своим высоким происхождением и великой простотой души.

Изабелла сидела за маленьким столиком и занималась таким обыденным делом, как шитье рубашки для короля; свои домашние обязанности она старалась выполнять так же добросовестно, как жена какого-нибудь простого купца из ее собственной столицы. Впрочем, таков был дух эпохи, – вернее, такова была политика государей. Многие путешественники видели знаменитое седло герцогини Бургундской с особым приспособлением для прялки на передней луке, чтобы даже во время езды верхом сия государыня могла подавать пример трудолюбия своим восхищенным подданным. И уже в наши времена всеобщего изобилия, когда иные жены и не снисходят до того, чтобы прикоснуться к предмету столь низменному, как рубашка мужа, мы собственными глазами видели другую королеву, которая в кругу своих дочерей шила так усердно, словно от ее прилежания зависела жизнь всей семьи.

Однако Изабелла ничего не делала напоказ. Одинаково правдивая в чувствах, словах и делах, она работала с искренним удовольствием, потому что была привязана к мужу и заботилась о нем с истинно супружеской нежностью, хотя и не могла не замечать его недостатков как государя.

Подле королевы сидела подруга ее юности, верная Беатриса де Кабрера. Мерседес прилегла на скамеечке у ног инфанты, еще две-три придворные дамы стояли поблизости, но достаточно далеко, чтобы соблюдать приличия этого пусть интимного, однако королевского кружка. Ибо сам король сидел тут же за столом в дальнем конце обширной залы и что-то писал. К нему никто не смел приблизиться, даже вновь назначенный архиепископ. Разговоры велись вполголоса, и сама королева говорила тише обычного, чтобы не отвлекать супруга от его размышлений. А в ту минуту, когда мы хотим ввести читателя в наш рассказ, и эти разговоры затихли: королева о чем-то глубоко задумалась, и все вокруг нее смолкло.

– Милая маркиза! – обратилась наконец Изабелла к своей подруге. – Ты давно видела сеньора Колумба, этого мореплавателя, который представлял нам свой проект путешествия на запад? Что о нем слышно?

При этом вопросе Мерседес украдкой обменялась со своей опекушкой заговорщическим взглядом, затем донья Беатриса ответила с подобающей почтительностью:

– Вероятно, вы помните, сеньора, что писал отец Хуан Перес, бывший исповедник вашего высочества, который даже покинул свой монастырь Святой Марии Рабидской и приехал сюда из Андалузии, чтобы ходатайствовать перед вами за этого человека. Тогда он убеждал вас поддержать великий замысел, опасаясь, как бы генуэзец не покинул Кастилию.

– Ты полагаешь, это действительно великий замысел, дочь моя?

– Разве кто-либо может в этом сомневаться, сеньора? Намерения Колумба возвышенны и разумны. Он хочет раздвинуть границы владений католической церкви и приумножить богатство и славу нашей родины, – а что может быть благороднее и похвальнее? Моя восторженная воспитанница Мерседес де Вальверде так увлеклась великими планами этого мореплавателя, что считает защиту их чуть ли не самым важным делом своей жизни, после служения Богу и своим государям!

Королева с улыбкой повернулась к вспыхнувшей от этих слов девушке и некоторое время с материнской нежностью смотрела на нее.

– Это действительно так, донья Мерседес? – спросила она. – Неужели Колумб настолько повлиял на тебя, что ты готова его защищать с таким рвением?

Мерседес почтительно поднялась и, прежде чем ответить, приблизилась к королеве.

– Мне не пристало говорить в столь высоком присутствии, – ответила она, – однако не буду отрицать: я глубоко заинтересована в успехе сеньора Колумба. Замысел его так благороден, что будет жаль, если он не осуществится!

– Слова эти делают честь твоей юности и великодушию. Признаюсь, Беатриса, и я, как дитя, увлечена этой прекрасной мечтой! Кстати, Колумб еще здесь?

– Да, сеньора! – поспешно ответила Мерседес и смутилась, потому что вопрос был обращен не к ней. – Я знаю человека, который его видел в день вступления наших войск в Гранаду.

– Кто же этот человек? – спросила королева настороженно, но не слишком строго, со все возрастающим интересом вглядываясь в лицо девушки.

Мерседес уже горько сожалела о своей оплошности. От волнения кровь прихлынула к ее щекам, и прошло какое-то время, прежде чем ей удалось наконец справиться с собой и ответить:

– Это дон Луис де Бобадилья, сеньора, племянник моей опекуниши доньи Беатрисы.

Правдивость Мерседес оказалась сильнее чувства скромности!

– Что с тобой, сеньорита? – слегка удивилась королева, которая вообще была не способна относиться слишком сурово к таким юным и добрым созданиям, как Мерседес. – Дон Луис происходит из славного рода и не нуждается в герольдах. Разве только невежды не знают о его происхождении и семейных связях, остальным же достаточно одного его имени.

Мерседес готова была провалиться от мучительного стыда, но тут королева, по счастью, отвела от нее взгляд и обратилась к своей подруге:

– Милая маркиза, твой племянник неисправимый бродяга, однако вряд ли он решится отправиться вместе с Колумбом! Слава церкви и блага королевства его не очень-то интересуют...

– Помилуйте, сеньора! – вырвалось у Мерседес, но она тут же овладела собой, собрав всю свою волю.

– Ты хотела что-то сказать, донья Мерседес? – строго спросила королева.

– Извините меня, ваше высочество! Я не должна была говорить, пока вы меня не спросите.

– Здесь не двор королевы Кастильской, милая, а личные покои Изабеллы де Трастамара, – сказала Изабелла, пытаясь смягчить суровость своих предыдущих слов. – В тебе течет кровь кастильского адмирала, и ты в родстве с самим королем, так что можешь говорить свободно.

– Я знаю, как вы ко мне добры, сеньора, и потому едва не забылась. Я хотела только сказать, что дон Луис де Бобадилья страстно желает, чтобы сеньор Колумб получил необходимые ему каравеллы и чтобы ваше высочество позволили и ему принять участие в этой экспедиции.

– Возможно ли это, Беатриса?

– Луис, конечно, любит скитаться по морям, но не из низменных побуждений. Я сама слышала, как он выражал горячее желание последовать за Колумбом, если ваше высочество отправит гемуэзца на поиски Катая.

Изабелла не ответила. Опустив рукоделие на колени, она глубоко задумалась. Никто не решался прервать молчание. Мерседес тихонько отошла и снова села на свою скамеечку у ног инфанты. Наконец королева встала и прошла через всю залу к столу, за которым трудился Фердинанд. Мгновение помедлив, словно сожалея, что приходится отрывать супруга от работы, она осторожно тронула его за плечо. Зная, что лишь один человек может себе позволить подобную вольность, король тотчас оглянулся, встал и заговорил. С первых же дней после победы над маврами Фердинанд думал только об укреплении своей власти, поэтому и сейчас сказал:

– Надо приглядывать за этими морисками²⁹. Зря мы оставили Абдаллаху столько сильных крепостей в Альпухарре! Он еще может наделать нам хлопот, если не вытеснить его совсем за Средиземное море...

– Поговорим об этом в другой раз, Фердинанд! – прервала его Изабелла, не допуская даже мысли о нарушении своего слова³⁰. – Я, конечно, понимаю, что тем, кто управляет судь-

²⁹ *Мориски* – мавры, насильственно обращенные в христианство.

³⁰ Изабелла, когда это было ей выгодно, всегда отступалась от данного ею слова. Об этом свидетельствует и история с гранадскими маврами, которые подверглись неслыханным преследованиям, хотя Изабелла клятвенно обещала ни в чем не притеснять их, и ее взаимоотношения с Колумбом, которого она лишила всех привилегий и прав после того, как он совершил

бами людей, трудно выполнять свои обязательства, если Бог и совесть подсказывают иное. Но я пришла не для этого. За делами, в треволнениях последних лет мы совсем забыли о нашем обещании Колумбу, тому самому мореплавателю...

– А вы все не растаете с иглой, Изабелла, все думаете обо мне, – заметил Фердинанд, притрагиваясь к рубашке, которую королева, сама того не замечая, не выпускала из рук. – Немногие из наших подданных могут похвалиться такой заботливой и доброй женой!

– Забота о вас и вашем счастье для меня самое главное после моих обязанностей перед Богом и моим народом, – ответила Изабелла.

Ей было приятно, что король Арагонский оценил этот маленький знак внимания, хотя она и подозревала, что он просто хочет уклониться от начатого разговора. Но Изабелла не позволила себя отвлечь.

– В таком важном деле, как экспедиция Колумба, – продолжала она, – я ничего не могу решить без вашего согласия и одобрения. К тому же я полагаю, что мы должны сдержать свое обещание: откладывать дальше нельзя. Семь лет – достаточно суровое испытание. И, если мы еще будем медлить, какой-нибудь пылкий дворянин совершит этот славный подвиг просто развлечения ради.

– Вы правы, сеньора, мы тотчас поручим Эрнандо де Талавере рассмотреть этот вопрос: архиепископ осмотрителен и на него можно положиться. – С этими словами король знаком подозвал вышеупомянутого прелата. – Архиепископ Гранадский, – обратился к нему лукавый монарх, – наша августейшая супруга желает, чтобы вы немедленно рассмотрели ходатайство Колумба и доложили нам. Это наша общая воля: за двадцать четыре часа вы с другими советниками должны все здраво обсудить и во всем разобраться. Имена тех, кто примет вместе с вами участие в рассмотрении этого дела, вам сейчас сообщат.

Пока Фердинанд говорил, хитрый прелат по глазам и по холодному выражению короля ясно понял, чего тот ждет от столь решительных и быстрых действий. Однако он принял озабоченный вид, внимательно выслушал имена своих будущих помощников, которых назвала Изабелла, а свое мнение приберет про себя.

– Планы Колумба заслуживают самого пристального внимания, – продолжал король. – Надо рассмотреть их со всей тщательностью. Говорят, этот мореплаватель – добрый христианин?

– Я в этом убеждена, Фердинанд, – ответила королева. – Если Бог увенчает успехом его предприятие, он намерен еще раз попытаться отвоевать у неверных гроб Господень.

– Ого! Намерение похвальное, однако наши завоевания, пожалуй, вернее! Мы водрузили крест там, где лишь недавно развевались знамена неверных. Гранада куда ближе к Кастилии, и здесь нам будет легче защищать святые алтари. Во всяком случае, я, как мирянин, держусь такого мнения. А что скажет наш архиепископ?

– Мнение поистине мудрое и справедливое, государь мой! – ответил прелат. – Лучше держаться за то, что мы в силах удержать, и не стремиться к целям чересчур отдаленным. Раз сама судьба от нас их так отдалила, стоит ли тратить время на их достижение?

– Слушая вас, ваше преосвященство, – заметила королева, – можно подумать, что мы не должны пытаться отобрать у неверных гроб Господень!

– Нет, сеньора, это значило бы ложно истолковать мои слова, – поспешил поправиться изворотливый прелат. – Изгнание неверных из Иерусалима было бы благом для всего христианства, но для Кастилии важнее изгнать их сперва из Гранады. Различие несомненное, как сказал бы любой богослов.

– Да, для каждого несомненно, что вон те башни, – король метнул холодно сверкнувший взгляд за окно, – когда-то принадлежали Абдаллаху, а теперь принадлежат нам!

– Важнее для Кастилии, – задумчиво повторила королева. – Для ее могущества – возможно, но не для душ тех, кто о таком могуществе печется!

– Уважаемая жена моя и любимая супруга... – начал Фердинанд.

– Сеньора! – добавил прелат.

Однако Изабелла уже медленно отошла от них, погруженная в свои мысли. Оставшись одни, король и прелат понимающе переглянулись, как два дельца, для которых барыш важнее справедливости.

Не возвращаясь к своему креслу, Изабелла некоторое время одиноко прохаживалась взад и вперед по свободной части залы, и даже Фердинанд не решался нарушить ее уединение. Несколько раз взор королевы останавливался на Мерседес, и наконец она подозвала девушку к себе.

– Доченька! – сказала Изабелла, которая часто обращалась так к тем, кто был ей дорог. – Ты не забыла о своем обете?

– Для меня превыше всего долг перед моей государыней.

Мерседес ответила твердо и уверенно. Изабелла не сводила глаз с ее бледного и прекрасного лица, и, когда та умолкла, во взгляде королевы отразилась такая нежность, с какой мать редко смотрит на любимую дочь.

– Надеюсь, я ничем не провинилась перед вами, сеньора? – робко спросила Мерседес, видя, что королева молчит. – Немилость вашего высочества была бы для меня страшной карой!

– О нет! Хотела бы я, чтобы все девушки Кастилии, и знатные и простые, были так же правдивы, скромны и послушны, как ты! Но мы не можем допустить, чтобы ты стала жертвой собственного увлечения. Ты слишком хорошо воспитана, донья Мерседес, чтобы не отличить внешний блеск от истинной добродетели...

– Сеньора! – вскричала Мерседес и тотчас умолкла, понимая, что не должна прерывать свою государыню.

– Я тебя слушаю, – проговорила Изабелла, немного помедлив, чтобы дать испуганной своей дерзостью девушке прийти в себя. – Говори без утайки, как с родной матерью!

– Я хотела сказать, сеньора, что если не всякий блеск есть добродетель, то за всем, что нам кажется слишком смелым или непривычным, тоже не всегда скрывается порок.

– Я тебя поняла, сеньорита, и я согласна. А теперь поговорим о другом. Мне кажется, ты одобряешь замыслы Колумба?

– Что значит мнение юной, неопытной девушки для мудрой королевы Кастильской, которая может советоваться с учеными и прелатами! – скромно ответила Мерседес.

– Но ты одобряешь его замыслы? – настаивала королева. – Или я неправильно тебя поняла?

– Я верю в Колумба, сеньора! Небо воздаст ему за его высокое благородство, и он добьется успеха на благо людям и во славу церкви!

– И ты думаешь, что найдутся знатные рыцари, которые последуют за этим никому не ведомым генуэзцем в столь дерзкое и опасное плавание?

Королева почувствовала, как дрогнула рука Мерседес, которую она ласково держала в своей, и, подняв глаза, увидела, что девушка потупилась и покраснела. Но Мерседес понимала, сколь многое зависит сейчас от ее самообладания – судьба любимого, счастье, вся ее жизнь! – и сумела ответить с твердостью, одновременно порадовавшей и удивившей королеву:

– Да, сеньора, я в этом уверена! И думаю, что дон Луис де Бобадилья тоже отправится с Колумбом. С тех пор как его тетюшка откровенно поговорила с ним о целях и назначении экспедиции, он только об этом и думает. Он даже готов пожертвовать своим имуществом, если согласятся опекуны!

– Чего ни один опекун не должен делать! Мы можем распоряжаться своим состоянием, но не имеем права рисковать чужим. Однако, если дон Луис де Бобадилья останется верен своему намерению, я буду о нем лучшего мнения, чем была до сих пор!

– Сеньора!

– Слушай меня, дочка! Сейчас не время говорить об этом: меня ждут на совет, король уже там. Мы все обсудим с твоей опекуншей и не станем держать тебя в неведении. Но помни, Мерседес де Вальверде...

– Госпожа моя!..

– Помни свое обещание! Ты дала его по доброй воле и должна его сдержать.

Изабелла поцеловала девушку в бледную щеку и удалилась в сопровождении своих дам. Обрадованная и в то же время испуганная, девушка осталась одна посреди обширной залы, напоминая собой прекрасную статую Неуверенности.

Глава VII

*Он разумом вознесся так высоко,
Воздвиг такую мысли цитадель,
Что никакие страхи и сомненья
Его уж не могли поколебать.*

*Даниэль*³¹

На следующий день Альгамбра, как обычно, была заполнена придворными: одни жаждали новых милостей, другие явились с жалобами на воображаемые обиды. Самые разнообразные просители толпились в приемных, ревниво поглядывая друг на друга и как бы прикидывая, помешает сосед их планам или, наоборот, поможет добиться своего. Все раскланивались между собой холодно и равнодушно и лишь изредка отвечали на приветствия с привычной для придворной среды заученной любезностью.

Среди всей этой пестрой толпы завсегдатаев испанского двора, которые шепотком, подмигивая и пожимая плечами, делились новостями, слухами и просто сплетнями, общее внимание привлекал своей величественной осанкой высокий, статный человек, одиноко стоявший в углу большой приемной. К нему мало кто приближался, да и те немногие сразу же отходили, бросая вокруг многозначительные самодовольные взгляды, как это делают обычно глупцы, воображающие, будто все остальные разделяют их насмешливое и презрительное отношение. Этим одиноким просителем был Колумб.

В те дни молва считала его безумцем и фантазером, и большинство соответственно относилось к нему со снисходительным пренебрежением. Но вскоре насмешки и шутки по его поводу иссякли. Те, кто давно дожидался приема, уже начали терять терпение, как вдруг легкое замешательство в дверях возвестило о появлении нового лица. По тому, с какой поспешностью ему уступали дорогу, можно было догадаться, что это важная особа. И действительно, на середину залы вышел Луис де Бобадилья.

– Это племянник королевской фаворитки, – прошептал один из придворных.

– Он из знатнейшего кастильского рода, – добавил другой. – Но, как ни странно, он ярый сторонник этого Колумба! Подумать только! Ни опекуны, ни сама королева, ни высокое положение не могут его отучить от бродячей жизни...

– Он один из лучших рыцарей Испании, – пробормотал третий. – Жаль только, что у него не хватает ума и осмотрительности, чтобы обратить свою доблесть себе же на пользу.

– Этот юнец показал себя в последних боях отважным воином! – буркнул какой-то офицер. – Да и на турнире он выбил из седла самого Алонсо де Охеду. Но лучше бы он не брался за меч и копьё! Говорят, он якшается с пиратами...

Словно в подтверждение этих слов Луис презрительно взглянул на офицера, затем пожал плечами и направился прямо к Колумбу. Его провожали улыбки, кивки, недоуменные взгляды и приглушенный шепот, но тут отворилась дверь в кабинет, и все тотчас забыли о нашем герое.

– Приветствую вас, сеньор, – между тем говорил Луис, почтительно кланяясь Колумбу. – После нашего последнего разговора я почти ни о чем ином не могу думать и явился сюда только затем, чтобы еще раз побеседовать с вами.

³¹ Даниэль Сэмюэль (1562–1619) – английский поэт и драматург, автор поэмы о войне Алой и Белой розы и цикла сонетов.

Колумб был польщен – это можно было заметить по его глазам, по улыбке и по тому, как он приосанился, словно вспомнил о величии своего предназначения. Но сейчас ему пришлось отказать себе в удовольствии, которое он обычно испытывал при обсуждении своих планов.

– Благородный сеньор, – сердечно ответил Колумб, – меня вызвал архиепископ Гранадский. Видимо, ему поручено рассмотреть наконец мое предложение; для этого, наверно, меня и пригласили сюда с утра. Мы стоим на пороге великих событий. Недалек тот день, когда даже завоевание Гранады поблекнет перед славными деяниями, ожидающими нас впереди.

– Клянусь святым Педро, моим новым покровителем, я верю вам, сеньор! Катай, несомненно, находится там, где вы говорите, или близ того места, и я вместе с вами увижу его несметные богатства. Только прошу вас, не забудьте о некоем Педро де Муньосе!

– Я его не забуду, юный мой друг, обещаю вам, так же как и то, что подвиги ваших предков померкнут перед славой их потомка... Но я слышу свое имя; мы еще поговорим обо всем.

И действительно, паж громким, ясным голосом повторил:

– Сеньор Христофор Колумб!

Преисполненный радости и надежд, мореплаватель устремился на зов.

То, что из всей толпы придворных подобная честь была оказана человеку, на которого все смотрели если не с насмешкой, то с пренебрежением, многих удивило, но они сразу же обо всем позабыли, когда из других дверей появились чиновники, принимавшие жалобы и отвечавшие на вопросы.

Луис был разочарован. Ведь он надеялся подробно обсудить с Колумбом план путешествия, на которое возлагал столько надежд и которое, естественно, занимало теперь все его помыслы!

Однако оставим нашего героя и всех прочих придворных в приемной и последуем за великим мореплавателем во внутренние покои дворца.

Эрнандо де Талавера не забыл о возложенном на него поручении. Однако король и королева, вместо того чтобы дать ему в помощники людей сведущих и расположенных внимательно выслушать предложения Колумба, назвали наугад имена шести – восьми придворных, которые при всей их честности и благожелательности были совершенно не способны оценить грандиозность замыслов генуэзца. Перед советом этих представителей знати и духовенства и предстал сейчас Колумб.

Оставляя в стороне обычную церемонию представлений, перейдем сразу к сути нашего повествования.

От имени всех собравшихся первым выступил архиепископ Гранадский.

– Итак, сеньор Колумб, – сказал он, – если вам удастся заручиться поддержкой и покровительством короля Фердинанда и королевы Изабеллы, вы намерены отправиться в неведомые просторы Атлантического океана в поисках страны Катай и прославленного острова Сипанго. Мы вас правильно поняли?

– Да, таково мое намерение, ваше преосвященство, – подтвердил Колумб. – Вопрос этот столь часто обсуждался мною и доверенными лицами наших государей, что сейчас вряд ли необходимо подробно говорить об этом.

– Да, тем более что на совете в Саламанке ваши предложения тоже обсуждались и многие из ученых служителей церкви стали тогда на вашу сторону, хотя большинство было против вас. Тем не менее король и королева склонны ответить вам благоприятно. Поэтому мы и собрались здесь, чтобы подвести итог всему, что нам известно, и принять надлежащее решение. Сколько судов и людей вам потребуется для достижения с помощью Божьей столь великой цели?

– Хорошо сказано, сеньор архиепископ: именно с помощью Божьей! Ибо успех этого дела прославит церковь и имя Божье. А с таким союзником, как всемогущий Господь, мне не понадобится много земных средств. Две легкие каравеллы под флагами короля Арагонского и королевы Кастильской – вот и все, чего я прошу. Конечно, с необходимым экипажем.

Члены совета с удивлением переглянулись. Одни усмотрели в такой скромности легкомыслие безумца, другие – глубокую веру в успех.

– Поистине вы просите немногого, – продолжал прелат, который держался первого мнения. – И, хотя война опустошила королевскую казну, для выполнения вашей просьбы не потребуются особого чуда. Каравеллы можно найти и матросов нанять, но прежде следует разрешить несколько важных вопросов. Вы хотите, чтобы вам была вверена вся полнота единоличной власти над экспедицией, не так ли, сеньор Колумб?

– Разумеется! Без этого я не могу ручаться за успех. Я прошу полной власти адмирала или командующего флотом их высочеств. Силы экспедиции будут и без того невелики, так что тому, кто ее возглавит, необходимо будет опереться на весь авторитет обеих корон.

– Все это вполне справедливо и не вызовет возражений. А теперь скажите, сеньор, какие выгоды даст ваше открытие монархам, если они окажут вам поддержку? Вы об этом подумали?

– Восемнадцать лет днем и ночью я думал только об этом предприятии, сеньор архиепископ, и, надеюсь, не упустил ничего. Что бы я ни изучал, чем бы ни занимался эти долгие годы, все мои помыслы были направлены на то, чтобы обеспечить успех этой небывалой экспедиции. Как же мог бы я забыть о всех выгодах, которые она сулит?

– Так назовите их!

– Во-первых, мое открытие расширит владения церкви, умножит ее паству.

При этих словах Эрнандо де Талавера и другие священники набожно перекрестились.

– Затем, – продолжал Колумб, – наши монархи получают выгоду от расширения их владений и увеличения числа подданных. Богатства неиссякаемым потоком хлынут в Кастилию и Арагон из новых провинций, ибо святейший Папа охотно признает права короля и королевы на владения языческих принцев, чьи земли будут нами открыты, а народы обращены в христианскую веру.

– Все это разумно и убедительно, – ответил прелат. – Его святейшество Папа обладает такой властью и, несомненно, воспользуется ею во славу Господню. Вы, наверно, знаете, сеньор Колумб, что дон Жуан Португальский давно заинтересовался подобной возможностью и что он и его предшественники уже совершили немало открытий, после которых вряд ли что осталось открывать. За это Рим дал португальцам весьма значительные привилегии, с которыми приходится считаться.

– Я, конечно, знаю об открытиях португальцев и о привилегиях дона Жуана. Его суда плавают вдоль западного побережья Африки, а я хочу плыть совсем в другом направлении. Я намереваюсь отправиться прямо на запад, через Атлантический океан, и достичь восточных берегов Индии, сократив путь на много месяцев.

Хотя архиепископ и большинство советников смотрели на Колумба как на сумасбродного мечтателя, достоинство и серьезность, с какими он так просто излагал свои благородные планы, его спокойная манера поглаживать свои седые волосы и вдохновенный огонь в глазах, – все это произвело на присутствующих глубокое впечатление, и было мгновение, когда все уже склонялись на его сторону. Свидетельством такого редкостного единодушия прозвучал вопрос, заданный одним из советников:

– Сеньор Колумб, вы, конечно, собираетесь посетить двор пресвитера Иоанна?³²

– Я не знаю такого правителя, благородный сеньор, – ответил Колумб, чьи суждения основывались на установленных наукой фактах, а не на суевериях и заблуждениях того грубого века. – Я никогда не встречал ничего, что могло бы подтвердить существование этого монарха или его страны.

³² Легенда о пресвитере Иоанне, чьи владения якобы были расположены где-то на границах Китая, имела в Европе широкое хождение с середины XII в.

Такое заявление отнюдь не способствовало успеху Колумба. Утверждать, что земля – это шар, а пресвитер Иоанн – порождение фантазии, значило предпочесть всему чудесному реальные факты и научные доказательства, а это невежественному разуму и в те времена было совсем не по вкусу.

– Однако многие верят в существование пресвитера Иоанна и его страны! – воскликнул один из придворных, оказавшийся на совете только благодаря желанию Фердинанда. – А это начисто опровергает мнение, будто наша земля круглая. Ибо, если мы знаем, что где-то там есть христианские короли и их владения, значит, земля и океан такие плоские, какими они нам представляются!

Замечание это было встречено одобрительными улыбками, хотя архиепископу оно и не показалось столь уж убедительным.

– Сеньоры, – мягко возразил Колумб, – если бы все в этом мире действительно было таким, каким кажется, нам бы не в чем было исповедоваться и наказание за грехи было бы много мягче.

– Я считал вас добрым христианином, сеньор Колумб! – резко заметил Эрнандо де Талавера.

– Я только слабый человек, каким меня создал Господь, – ответил Колумб. – Я лишь смиренно уповаю, что, когда мне удастся завершить сие великое дело, я буду более достоин оказанной мне Небесами милости.

– Значит, правду говорят, что вы считаете себя свыше призванным для свершения этого подвига!

– Я чувствую в себе такое призвание, святой отец, и оно поддерживает во мне уверенность. Но я ничего не приписываю сверхъестественным или таинственным силам, которые недоступны разуму.

– Итак, вы хотите достичь Катая западным путем, через Атлантический океан, – продолжал архиепископ, – и в то же время отрицаете существование пресвитера Иоанна.

– Простите меня, – возразил Колумб, – я действительно намереваюсь доплыть до Катая и Сипанго западным путем, как вы сказали, но у меня нет уверенности, что монарх, о котором вы упомянули, существует. О возможности и вероятности первого я уже говорил и представил достаточно тому доказательств, что же касается последнего, то это еще необходимо установить.

– А между тем известно, что Джованни ди Монтекорвино, епископ нашей святой церкви, обратил этого принца в истинную веру почти двести лет назад!

– Бог всемогущ, и не мне сомневаться в достоинствах Его избранных служителей, – ответил на это Колумб. – Могу лишь сказать, что я не нашел достаточно веских научных подтверждений, которые заставили бы меня поверить в эту легенду. Что же касается Катая, его местоположения и его чудес, то здесь мы имеем более достоверные сведения. Два знаменитых венецианца, Марко и Никколо Поло³³, не только побывали в этой стране, но и прожили несколько лет при дворе катайского правителя. Однако, независимо от того, существуют или нет пресвитер Иоанн и страна Катай, у Атлантического океана, благородные сеньоры, наверняка есть западный берег, а его-то я и намереваюсь достичь!

Архиепископ с недоверчивым видом возвел глаза к небу, но этим и ограничился. Он помнил о приказе короля, знал о том, что планы Колумба несколько лет назад обсуждались в Саламанке, и почел за благо не выходить за пределы возложенного на него поручения.

– Вы рассказали о выгодах, которые в случае успеха могут получить наши государи, – продолжал архиепископ, возвращаясь к сути дела. – Они весьма заманчивы, если только ваши блестящие надежды действительно оправдаются. А теперь скажите, сеньор, какого вознаграждения вы ждете для себя за это опасное плавание и за все годы тяжелых трудов?

³³ Речь идет о знаменитом путешественнике Марко Поло и о его отце Никколо Поло.

– Это я тоже здраво обдумал, сеньор архиепископ. Здесь изложены все мои основные требования, а о второстепенных можно будет договориться и потом.

С этими словами Колумб вручил Эрнандо де Талавере пергаментный свиток. Тот просмотрел его сначала бегло, затем более внимательно, словно не веря своим глазам, и, наконец, с отвращением швырнул на стол. После этого он пристально поглядел на Колумба, словно желая удостовериться, не сошел ли мореплаватель с ума.

– Вы действительно требуете всего этого, сеньор? – сурово спросил архиепископ, устремляя на генуэзца взгляд, который любого другого просителя живо заставил бы отказаться от всяких требований, но Колумба было не так-то легко смутить!

– Сеньор архиепископ! – с достоинством ответил он. – Этому предприятию я отдал восемнадцать лет жизни. Восемнадцать лет ни днем, ни ночью я не мог думать ни о чем другом. Истина с каждым днем представляла передо мной все отчетливее и определеннее. И сегодня я чувствую внушенную мне свыше веру в успех и считаю себя орудием, избранным для свершения великих дел, которые не ограничатся одной экспедицией. Но для этих будущих свершений я должен обладать необходимыми средствами и высоким званием. Поэтому я не могу ничего изменить, ни в чем уступить или отступить хоть от одного из моих условий.

Хотя слова Колумба звучали убедительно, архиепископ решил, что разум несчастного мореплавателя, посвятившего столько времени одной навязчивой идее, окончательно помутился. Единственное, что его еще смущало, – это логичность и здравомыслие, с какими Колумб всегда, и даже сейчас, отстаивал справедливость своих географических теорий. Мореплавателю, конечно, трудно было убедить в своей правоте тех, кто считал его чудаком и мечтателем, однако доводы его поражали слушателей. И вместе с тем притязания генуэзца были настолько невероятны, что на какое-то мгновение архиепископ проникся к нему жалостью, впрочем довольно быстро уступившей место негодованию.

– Как вам все это нравится, благородные сеньоры? – вскричал он, обращаясь к нескольким членам совета, которые жадно схватили свиток и читали его все вместе. – Что вы скажете о скромных и умеренных требованиях сеньора Колумба, сего знаменитого мореплавателя, смутившего даже ученых мужей Саламанки? Не кажется ли вам, что наши государи могли бы их принять и на коленях благодарить за подобную милость?

– Прочтите их нам, сеньор архиепископ! – послышались со всех сторон голоса. – Мы тоже хотим знать, чего он просит!

– Я пропущу всякие маловажные условия – о них не стоит спорить, – начал архиепископ, разворачивая свиток. – Но вот два требования, которые, несомненно, понравятся нашим государям. Сеньор Колумб согласен удовольствоваться званием адмирала и вице-короля всех стран, которые ему посчастливится открыть. А что касается вознаграждения, то с него будет довольно одной десятой – да, да, дети мои! – всего одной десятой всех доходов и пошлин с открытых им стран, то, бишь, скромной доли святой церкви!

Всеобщий ропот неодобрения показал, что Колумб в мгновение ока лишился всяких симпатий.

– И это еще не все, благородные сеньоры и святые отцы! – с торжеством продолжал архиепископ, как только решил, что слушатели достаточно успокоились. – Это еще не все! Чтобы столь высокие титулы не отягощали наших монархов, великодушный генуэзец согласен впредь и навсегда оставить их за собой и за своими потомками. Словом, он согласен превратить королевство Китай в наследственную вотчину династии Колумбов, для поддержания достоинства которой он и испрашивает десятину со всех доходов!

Если бы не строгое, полное достоинства лицо Колумба, все бы, кажется, покатились со смеху, но укоризненный взгляд мореплавателя смутил даже самого Эрнандо де Талавера. Архиепископ понял, что зашел со своими шутками, пожалуй, слишком далеко.

– Прошу меня извинить, сеньор Колумб, – поспешил он загладить свой промах, – но ваши условия настолько необычны, что я просто поражен. Неужели вы серьезно на них настаиваете?

– Я не отступлюсь от них ни на йоту, – ответил генуэзец. – Я прошу лишь то, что мне следует по справедливости, ибо тот, кто просит меньше, унижает самого себя. Я дам королю и королеве империю, которая превзойдет по богатству все их нынешние владения, но требую за это должного вознаграждения. А посему говорю вам, почтенный прелат: мой список еще не полон, многие условия еще придется уточнить!

– Поистине удивительное смирение для безвестного генуэзца! – воскликнул один из придворных, не в силах более сдерживать гнев и презрение. – Сеньор Колумб хочет даром заполучить звание адмирала, которое за ним и останется, даже если он ничего не свершит! А если ему и впрямь посчастливится открыть какую-нибудь землю, что весьма маловероятно, он к тому же станет вице-королем со скромным доходом, равным церковной десятине!

Это замечание решило дело, и все поднялись, считая, что больше разговаривать не о чем. Пытаясь соблюсти хотя бы видимость приличия и беспристрастия, архиепископ еще раз обратился к Колумбу, уверенный, что теперь-то генуэзец согласится на все.

– В последний раз спрашиваю вас, сеньор, – заговорил он более умеренным тоном, – вы все еще настаиваете на своих неслыханных условиях?

– Иных я не приму, – ответил Колумб. – Я знаю важность услуг, которые мне предстоит оказать Испании, и ничем не унижу, ни в коей мере не умалю их значения согласиен на что-либо меньшее. Лишь в одном я могу уступить, благородные сеньоры: раз уж я рискую своей жизнью и своим именем, я готов рискнуть и своим состоянием. Я сам предоставлю восьмую часть необходимых для экспедиции средств, если вы согласитесь повысить мое будущее вознаграждение с десятины до одной восьмой всех доходов!

– Довольно, довольно! – вскричал прелат, направляясь к двери. – Мы тотчас доложим обо всем нашим государям, и вам не замедлят сообщить их волю.

На этом и закончился совет. Придворные разошлись, громко переговариваясь и не скрывая возмущения. А Колумб, погруженный в свои великие замыслы, ушел с видом человека, который слишком уважает себя, чтобы обращать внимание на ропот толпы. Невежество и ограниченность этих судей были ему очевидны и не могли поколебать его решимость.

Между тем Эрнандо де Талавера как сказал, так и сделал. Он был исповедником Изабеллы, а потому имел к ней доступ в любое время. Все еще под впечатлением совещания архиепископ сразу направился в личные покои королевы и был тотчас принят.

Изабелла выслушала его с горечью и сожалением, ибо сама уже увлеклась мыслью о необычайной экспедиции. Однако исповедник благодаря своей фанатичной набожности имел на нее слишком большое влияние.

– Поведение его граничит с наглостью, сеньора! – говорил разъяренный прелат. – Какой-то нищий авантюрист требует себе почестей и власти, предназначенных лишь государям, помазанникам Божьим! Кто он такой, этот Колумб? Безвестный генуэзец, у которого нет ни титула, ни заслуг, ни достаточной скромности. А между тем он предьявляет претензии, на какие не отважился бы сам Гусман!

– Но ведь он добрый христианин, святой отец, – неуверенно заметила Изабелла. – Мне казалось, он думает лишь о служении Богу и католической церкви.

– На словах это так, сеньора, но не кроется ли за всем этим какой-либо обман?..

– О нет, сеньор архиепископ, Колумб не способен на обман! Более искреннего и смелого на словах и в делах человека не часто встретишь даже среди сильных мира сего. Он добивается от нас поддержки вот уже много лет и ни разу еще не прибегал к каким-либо низким уловкам.

– Я не стану говорить о нем дурно как о человеке, донья Изабелла, однако нам приходится судить о нем по его поступкам и требованиям. Разве они совместимы с достоинством корон

Кастилии и Арагона? Конечно, он человек степенный и рассудительный, его речь и манеры сдержанны и серьезны, и уже одно это в наше время немалое достоинство!

Изабелла улыбнулась, но промолчала, ибо, когда говорил ее духовный наставник, она не вправе была возражать.

– Да, да, достоинство! – продолжал архиепископ. – Ибо в наше время благомыслие и скромность не очень-то в почете при дворе. Но за всеми этими достоинствами могут скрываться недостойные расчеты! Чего стоят его важность и благородная осанка, если за ними прячутся неслыханная гордыня и невиданная алчность. Ибо даже «честолюбие» – слишком мягкое слово для его притязаний! Вы только подумайте, сеньора, чего он требует! Этот Колумб желает ни много ни мало, как высокого титула вице-короля, и не только для себя, но и для своих наследников на вечные времена! Да к тому же еще – звания и власти адмирала над всеми морями и землями, которые он пока только надеется открыть. И все это сразу, сейчас, прежде чем он согласится принять командование над судами вашего высочества, что уже само по себе было бы достаточной наградой для такого ничтожества. Даже если сбудутся его самые безумные мечты – что совершенно невероятно, – и в этом случае требуемая им награда будет непомерно велика. А что, если не сбудутся? Тогда все станут смеяться над Кастилией и Арагоном и над их монархами, которые позволили себя одурачить какому-то авантюристу. Вся слава наших побед померкнет из-за одной злосчастной оплошности!

– Милая маркиза, – обратилась королева к своей испытанной и верной подруге, сидевшей подле нее с рукоделием, – неужели требования Колумба действительно так необычны?

– Да ведь и само предприятие, сеньора, по замыслу и рискованности тоже не из обычных, – уверенно ответила донья Беатриса, взглянув на Мерседес. – Великие дела требуют великих наград!

Королева перехватила взгляд своей любимицы и перевела глаза на бледное и взволнованное лицо девушки. Мерседес не заметила, что привлекла к себе внимание, а между тем каждому, кто знал ее тайну, нетрудно было догадаться, с каким чувством ожидала она исхода дела.

Мнение исповедника показалось Изабелле достаточно обоснованным. Она уже готова была согласиться с решением совета и отказаться от своих тайных надежд, связанных с осуществлением планов Колумба, но чисто женское сочувствие Мерседес шевельнулось в ее сердце и побудило предоставить мореплавателю еще одну, последнюю возможность. Женское сердце редко остается глухим, когда речь идет о любви! Так и на сей раз мысль о счастье Мерседес де Вальверде в самый последний миг повлияла на решение королевы Кастильской.

– Нам не следует торопиться и судить гемуэзца слишком строго, сеньор архиепископ, – проговорила Изабелла, снова обращаясь к прелату. – Он честен и прямодушен, а этими достоинствами государи не должны пренебрегать. Разумеется, требования его преувеличенны: он чересчур много думал о своем предприятии и потерял чувство меры. Однако добрым словом и убеждением мы сумеем, надеюсь, добиться от него уступок. Предложите ему наши условия. Я уверена, чувство справедливости да и необходимость заставят его согласиться. Конечно, вице-король является наместником государя, как вы сами заметили, святой отец, а одна десятая всех доходов – это доля церкви, но на звание адмирала он имеет полное право. Поговорите с ним! Предложите ему одну пятнадцатую часть доходов вместо десятины. Звание вице-короля тоже можно будет ему даровать с согласия дон Фердинанда и моего, но пусть откажется от мысли о передаче этого звания по наследству!

Даже эти условия показались Эрнандо де Талавера чересчур щедрыми, однако при всем своем авторитете духовного пастыря он слишком хорошо знал характер Изабеллы, чтобы возражать, когда она приказывала. И мягкий тон приказа тут уж ничего не значил!

Получив несколько дополнительных указаний и посоветовавшись с королем, который работал в смежном кабинете, архиепископ отправился выполнять возложенное на него поручение.

Прошло два-три дня, прежде чем дело разрешилось. Изабелла, как обычно, проводила время в своем домашнем кругу, когда к ней снова явился ее исповедник. Архиепископ вошел багровый от негодования; с первого взгляда можно было заметить, что он находится в полном расстройстве чувств.

– Что с вами, святой отец? – удивилась Изабелла. – Может быть, новая паства возмутила ваш дух? Неужели неверные упорствуют?

– Совсем нет, сеньора, дело не в моих новых подопечных. Но даже последователи лже-пророка не столь упорны, как иные христиане! Этот Колумб просто сумасшедший! Ему место среди фанатиков-магометан, а не за рулем корабля вашего высочества!

При этой вспышке злобы королева, маркиза де Мойя и донья Мерседес выронили руко-делие и одновременно устремили на прелата огорченный взгляд. Все они надеялись, что препятствия, вставшие на пути к благополучному завершению переговоров, будут устранены и что Колумб, завоевавший их глубокое уважение смелостью и необычностью своих замыслов, сможет вскоре отправиться в путь. Любопытство их было возбуждено до предела, ни о чем ином они уже не могли думать и ждали осуществления этих замыслов с понятным нетерпением. Тем неожиданнее и горше было разочарование. У Мерседес тоскливо сжалось сердце; донья Беатриса и королева были глубоко опечалены.

– Надеюсь, вы должным образом изъяснили сеньору Колумбу, что мы ему предлагаем? – с необычной для себя резкостью обратилась Изабелла к архиепископу. – Неужели он все еще настаивает на предоставлении ему и его потомству титула и власти вице-короля? Неужели он не отказался от своих неслыханных и оскорбительных требований?

– Именно так, ваше величество! Сам Людовик Французский или Генрих Английский в переговорах с королевой Кастилии не могли бы держать себя высокомернее и неуступчивее этого подыхающего с голоду генуэзца! Он стоит на своем. Он воображает себя избранныком Божьим, но тот, кто действительно ощущает в себе высокое призвание, не станет держать подобные речи и ставить подобные условия. Ему нет оправдания!

– Что ж, такая настойчивость делает ему честь, – заметила королева, – но всяким уступкам тоже есть предел. Я больше не стану его защищать. Предоставим Колумба его судьбе, которая не замедлит воздать ему должное за самомнение и за все его неслыханные притязания.

Это прозвучало как приговор: в Кастилии Колумбу, видимо, больше нечего было делать. Архиепископ успокоился. Он о чем-то еще переговорил наедине со своей духовной дочерью и удалился.

Вскоре после этого Кривоваль Колон, как его называли испанцы, или Христофор Колумб, как он позднее называл себя сам и как называем его мы, получил окончательный ответ. Его условия были отвергнуты и всякие переговоры о путешествии в Индию кончены раз и навсегда.

Глава VIII

*Да, так всегда со мной бывало:
Чем радужней была мечта,
Тем безнадежней увядала,
Подобно розе без куста.*

*Томас Мур*³⁴. «Лалла Рук»

Было всего лишь начало февраля, но погода в этих южных краях стояла по-весеннему мягкая. Наутро после описанного выше разговора перед одним из невысоких домов Санта-Фе, возведенных для нужд испанской армии, собралось человек шесть – восемь. Но привлек их сюда не солнечный день, а гораздо более важное дело.

Все это были степенные пожилые испанцы, если не считать юного Луиса де Бобадилья. Статная фигура Колумба возвышалась над всей этой группой.

Генуэзец был в дорожной одежде, неподалеку его ожидал послушный и сильный андалузский мул. Рядом с мулом стоял оседланный боевой конь: видимо, кто-то собирался проводить мореплавателя.

В числе собравшихся были верный друг Колумба – главный казначей королевства Кастильского Алонсо де Кинтанилья и главный сборщик и хранитель церковной казны Арагона Луис де Сантанхель³⁵, который одним из первых оценил справедливость мудрых суждений генуэзца и величие его замысла. Оба пытались в чем-то убедить мореплавателя, но вскоре разговор их подошел к концу, и Сантанхель воскликнул со свойственной ему горячностью и прямодушием:

– Клянусь славой обеих корон, не так должно было кончиться это дело! Но прощайте, сеньор Колумб. Да хранит вас Бог, и да пошлет Он вам более мудрых и беспристрастных судей! То, что было, заставит нас устыдиться, а то, что будет, сокрыто временем.

Затем все, кроме Луиса де Бобадилья, простились с Колумбом. Как только провожающие разошлись, генуэзец сел на мула и в сопровождении юного графа двинулся вперед по людным улицам. Оба не обменялись и словом, пока город не остался позади; Колумб только вздыхал временами, как человек, удрученный глубокой печалью. Однако лицо его было спокойным, осанка горда, а глаза горели неугасимым огнем.

Когда они миновали городские ворота, Колумб учтиво обратился к своему спутнику и поблагодарил за любезность. Но мысли его вскоре приняли иной оборот, и он сказал:

– Я благодарен вам за оказанную честь и вижу в этом свидетельство вашей юности и благородства души. Вы заметили, друг мой Луис, что, когда мы проезжали по улицам, многие испанцы с насмешкой указывали на меня пальцем?

– Да, сеньор, – ответил Луис, краснея от гнева. – И, если бы не боязнь огорчить вас, я бы затоптал этих бродяг конем, раз уж со мной нет копья, чтобы проткнуть их насквозь!

– О нет, сдержавшись, вы поступили умнее. Но люди есть люди, и от них зависит общественное мнение. Впрочем, простонародье и знать мало чем отличаются друг от друга, несмотря на разницу в положении, – просто каждый изъясняется по-своему. Есть низменные

³⁴ Мур Томас (1779–1852) – ирландский поэт.

³⁵ Луис де Сантанхель – управитель дворцовой палаты Арагонского королевства, ведал всеми хозяйственными и финансовыми делами королевства. Сантанхель изыскал средства для снаряжения экспедиции Колумба, ссудив королевскую казну суммами из церковных сборов и взятыми в долг у банкиров.

души среди дворян и благородные – среди простого народа. Вот вы по своей доброте меня провожаете, а сколько упреков и нареканий ждет вас за это при дворе!

– Пусть только кто-нибудь посмеет говорить о вас неуважительно, и он будет иметь дело с Луисом де Бобадилья! У кастильцев горячая кровь, а в нашем роду и подавно!

– Я бы не хотел, чтобы кто-либо за меня вступался. Тем более что, если мы будем обращать внимание на все, что думают и говорят глупцы, нам не придется вкладывать меч в ножны. Пусть себе молодые дворянчики злословят в свое удовольствие, только вы не заставьте меня пожалеть о дружбе с вами!

Луис горячо запротестовал, но его задело обидное слово, и он тут же спросил:

– Вы говорите о дворянах, как будто сами не принадлежите к их числу, сеньор Колумб. Но ведь вы тоже, конечно, дворянин?

– А если нет, ваши чувства и ваше мнение обо мне изменятся?

Дон Луис вспыхнул и мысленно выбралил себя за оплошность, но тут же без всяких колебаний и уверток ответил:

– Клянусь святым Педро, моим новым покровителем, я бы хотел, чтобы вы были дворянином, сеньор, хотя бы ради славы самого дворянства. Среди дворян слишком мало людей, достойных рыцарских шпор, и вы были бы для нас ценным приобретением!

– Все изменчиво в этом мире, юный мой друг, – улыбаясь, заметил Колумб. – Меняются времена года, день сменяется ночью, кометы появляются и исчезают, монархи становятся подданными, подданные – монархами, дворяне забывают о своих предках, а плебеи превращаются в дворян. В нашей семье есть предание, что некогда мы принадлежали к знатному роду, однако время и неудачи низвели нас до теперешнего скромного положения. Но, если мне посчастливится во Франции более, чем в Кастилии, неужели дворянин Луис де Бобадилья откажется быть моим спутником в великом путешествии только потому, что его капитан не может предьявить дворянские патенты?

– Это была бы самая недостойная причина! Не думайте обо мне так плохо. Нам предстоит сейчас расстаться, – надеюсь, на время, – так позвольте мне быть с вами откровенным до конца! Каюсь, когда я впервые услышал о вашем замысле, я принял его за бред сумасшедшего...

– Ах, друг мой Луис! – прервал его Колумб, грустно покачивая головой. – Так думают слишком многие! Боюсь, что дон Фердинанд Арагонский и этот засушенный прелат, который говорил от его имени, держатся того же мнения.

– Простите меня, сеньор Колумб, если я невольно обидел вас. Но я был однажды несправедлив к вам и теперь хочу искупить свою вину. Да, раньше я тоже так думал и заговорил с вами только для того, чтобы посмеяться над вымыслами чудака. Не сразу проникся я доверием к вашей теории, но меня поразило, что ее отстаивает такой глубокий мыслитель и философ, как вы. Видимо, при этом я бы и остался, удовлетворив свое любопытство, если бы не особые обстоятельства глубоко личного характера. Вы, наверно, знаете, сеньор, что я принадлежу к одному из древнейших родов Испании и обладаю немалым состоянием. Несмотря на это, я не всегда оправдывал надежды, возлагаемые на меня моими опекунами, которые...

– Об этом не следует говорить, мой добрый...

– Нет, следует, клянусь святым Луисом! Я должен сказать все. Мною всегда владели две непреодолимые страсти, иной раз вытесняющие одна другую. Одна из них – любовь к странствиям, жгучее желание видеть новые страны, бродить по морям по воле ветров и волн. Другая – любовь к Мерседес де Вальверде, самой прекрасной, верной, доброй, ласковой и чистосердечной девушке во всей Кастилии!

– И к тому же дворянке, – улыбаясь, добавил Колумб.

– Сеньор, я не люблю шутить, когда речь идет о моем ангеле-хранителе, – насупившись, ответил юноша. – Она не только дворянка, достойная оказать честь моему роду, – в ней течет кровь самих Гусманов! Так вот, из-за своей любви к бродяжничеству я утратил расположение

многих и едва не потерял свою любимую. Даже моя родная тетка, ее опекунша, начала смотреть косо на мои ухаживания за Мерседес. Донья Изабелла, чье слово – закон для всех придворных дам, тоже настроена против меня, и теперь мне необходимо завоевать ее расположение, чтобы жениться на Мерседес. И вот я подумал, – как истинный рыцарь Луис решил все взять на себя, чтобы не выдать свою возлюбленную, – я подумал: а что, если мою склонность к странствиям направить на достижение какой-нибудь благородной цели? Например, такой, как ваша. Тогда мой недостаток превратился бы в достоинство в глазах королевы, а затем и всех остальных! С этой надеждой я пришел к вам, а потом ваши доводы окончательно убедили меня. Теперь ни один священник не верит так свято в Бога, как я в то, что кратчайший путь к берегам Китая лежит через Атлантический океан; ни один ломбардец так не убежден, что его Ломбардия плоская, как я в том, что земля – это шар!

– Не следует говорить так непочтительно о служителях церкви, сеньор мой, – сказал Колумб и тут же с улыбкой добавил: – Значит, вас привлекли на мою сторону два таких мощных союзника, как любовь и разум? Сначала любовь, как более сильная, преодолела первые преграды, а затем разум довершил дело? Что ж, так часто случается: любовь торжествует в начале, разум – в конце!

– Я не отрицаю могущества любви, сеньор, ибо сам я не в силах с нею бороться, – продолжал Луис. – Теперь вы знаете мою тайну, знаете мои намерения, и мне нечего больше от вас скрывать. А потому я торжественно клянусь, – при этих словах Луис обнажил голову и поднял глаза к небесам, – последовать за вами в это путешествие по первому же зову, на любом судне, из любого порта, как только вы пожелаете! Даю эту клятву в надежде, во-первых – послужить Богу и церкви, во-вторых – увидеть берега Китая и, наконец, – завоевать донью Мерседес де Вальверде!

– Принимаю ваш обет, сеньор, – проговорил Колумб, пораженный искренностью и пылом юноши. – Хотя, если уж держаться истины, вы бы могли перечислить вышеупомянутые причины в обратном порядке!

Луис был настолько увлечен своими мыслями, что даже не заметил шутки.

– Через несколько месяцев я стану полновластным хозяином своего состояния, – продолжал он, – и тогда ничто, кроме запрета самой королевы, не помешает нам снарядить, по крайней мере, одну каравеллу. Надеюсь, что денег хватит и на две, если только опекуны за годы моей юности не опустошили все мои сундуки. Дон Фердинанд мне не указ – я служу старшей ветви рода Трастамары, – и холодные расчеты короля меня не удержат.

– Ваши намерения великодушны, и ваши чувства делают честь такому благородному и смелому юноше, как вы, но принять это предложение я не могу. Было бы недостойно Колумба, если бы он воспользовался даром столь доверчивой души и столь горячей головы. Да к тому же главное и не в этом! Мне необходима поддержка какого-либо могущественного государя. Даже сам Гусман не решился бы взяться за такое обширное предприятие! Без высокого покровительства все наши открытия пойдут на пользу другим: ими воспользуются португальцы или еще кто-нибудь, а мы останемся ни при чем. Я чувствую в себе силы совершить славный подвиг, но он должен быть осуществлен в полном соответствии с величием замысла и цели... А теперь, дон Луис, простимся! Если во Франции мне улыбнется счастье, вы обо мне услышите. О спутнике с таким благородным сердцем и твердой рукой я могу лишь мечтать! Но пока вам не следует больше искушать судьбу. В Кастилии я конченный человек. Знакомство со мной не пойдет вам на пользу. А потому говорю еще раз: здесь мы должны расстаться!

Луис де Бобадилья горячо запротестовал, уверяя, что мнение других ему безразлично. Однако более умудренный годами и опытом Колумб не мог позволить доверчивому юноше из-за дружбы с ним рисковать своим будущим. Сам-то он стоял много выше людской молвы, но сейчас речь шла не о нем.

Простились они тепло. Колумб был растроган искренностью и глубоким волнением юноши, тем не менее, отъехав не очень далеко от города, они все-таки расстались: Колумб поехал дальше, а дон Луис де Бобадилья повернул назад. Кровь Луиса кипела от ярости при мысли обо всех унижениях и оскорблениях, которые, как он догадывался, пришлось претерпеть его новому другу.

Совсем иные чувства обуревали Колумба. Семь мучительных лет он убеждал государей и знать Испании помочь ему снарядить экспедицию. Сколько лишений, насмешек и даже оскорблений пришлось ему вынести за эти долгие годы, – лишь бы не потерять даже тех немногих сторонников, которых ему удалось приобрести среди наиболее свободомыслящих и просвещенных умов! Пытаясь сделать сильных мира сего еще могущественнее, он сам едва зарабатывал себе на пропитание. Каждый луч надежды, как бы ни был он слаб, Колумб ловил с жадной радостью, и каждое новое разочарование встречал со стойкостью, достойной самых закаленных сердец. Но теперь он переживал особенно горькие минуты.

Когда Изабелла снова призвала его, самые радужные мечты овладели душой Колумба. Однако он терпеливо ждал конца осады, сохраняя холодное достоинство и философическую покорность судьбе, которым научился за последние годы. Но вот приблизился решительный час, и все его светлые надежды рухнули. Он думал, что его намерения будут поняты, его самого оценят и его возвышенный замысел осуществится. А вместо этого на него по-прежнему смотрели как на безумца, словам его не верили, в услугах его не нуждались. Блистательные планы, вынашиваемые годами, рухнули в один день, оказанная ему ненадолго милость лишь возбудила несбыточные надежды, и теперь разочарование было еще мучительнее и горше.

Поэтому нет ничего удивительного, что, когда Колумб остался один на дороге, даже его непоколебимая душа дрогнула. Мореплаватель уронил голову на грудь. Пришел тот горький час, когда прошлое заслоняет грядущее, когда все сладостные упования тонут в волнах перенесенных страданий.

Семь лет, проведенных в Испании, были потеряны напрасно! А впереди его ждали, может быть, еще более долгие и трудные испытания, которые тоже могли кончиться ничем. Ему шел уже шестидесятый год, жизнь ускользала от него, а великая цель была по-прежнему недостижима.

И все же высокая решимость поддерживала его. Ни на один миг не возникало у него мысли о том, чтобы поступиться своими правами, либо сомнения в осуществимости великого замысла. Тяжко было у него на душе, но он сохранял все свое мужество.

– Есть же Бог всемогущий! – воскликнул Колумб. – Он должен знать, что хорошо, что плохо, и Ему я вверяю себя!

Некоторое время мореплаватель ехал молча, потом глаза его сверкнули, едва приметная улыбка осветила суровое лицо, и он пробормотал:

– Да, Господь что-то мешкает, но все равно мы доплывем до язычников, даже не знающих Его имени!

После этой короткой вспышки чувств суровый мореплаватель, чьи волосы были уже белы как снег от забот, трудов и лишений, уверенно продолжал свой путь. Он сознавал, что создан для великих дел, а в остальном спокойно полагался на судьбу. И, если тяжелые вздохи временами вырывались из его груди, лицо его сохраняло горделивую непроницаемость; если печаль и разочарование терзали его сердце, оно было достаточно сильно, чтобы вынести и эту боль.

Оставим теперь Колумба на выючной тропе, пересекающей равнину Вега, и поспешим обратно в Санта-Фе, ко двору Фердинанда и Изабеллы, возвратившихся туда после нескольких дней, проведенных в Альгамбре.

Луис де Сантанхель, человек пылких чувств и великодушных порывов, был одним из тех редких избранников, чей разум намного опережает свое время. Просветленное воображение позволяло ему многое предвидеть, не сбиваясь с истинного пути.

Расставшись с Колумбом, Сантанхель и его друг Алонсо де Кинтанилья направились к королевскому дворцу. Оба горячо осуждали постыдное решение совета, вынудившего славного мореплавателя навсегда покинуть Испанию. Дерзкий на язык сборщик церковных доходов не стеснялся в выражениях, хранитель кастильской казны и старый друг Колумба от него не отставал. И к тому времени, когда они дошли до королевских покоев, у обоих созрело решение попытаться еще раз уговорить королеву, чтобы она спешно вернула Колумба и согласилась на его условия.

Изабелла охотно принимала своих приближенных, в чьей преданности и честности была уверена. То было время всевозможных церемоний, строгостей, сложного этикета, которым особенно славился кастильский двор, но по отношению к тем, кто был ей любезен, королева не соблюдала никаких формальностей, кроме самых необходимых для поддержания хорошего тона и приличий. Поэтому, когда Сантанхель и Кинтанилья попросили аудиенции, Изабелла тотчас ответила согласием, как бы давая заранее понять, что им ни в чем не будет отказа.

Королева приняла обоих сановников, окруженная своими любимицами: среди них, разумеется, находились маркиза де Мойя и донья Мерседес де Вальверде. Король, как обычно, занимался в соседнем кабинете своими расчетами и писанием приказов. Государственные дела составляли для него отраду и отдохновение; ничто его так не веселило, как стол, заваленный бумагами, от которых любой другой пришел бы в отчаяние. На коне он был рыцарем, во главе армии – полководцем, на совете – мудрецом, и вообще Фердинанда можно было бы назвать великим, если бы не низменность всех его побуждений.

– Что привело вас сюда в столь ранний час, сеньор Сантанхель и сеньор Кинтанилья? – спросила Изабелла с улыбкой радушной хозяйки. – Надеюсь, вы явились не как просители – для этого время еще неподходящее!

– Когда приносишь дар, а не прошение, всякое время бывает подходящим, милостивая сеньора! – с живостью возразил Луис де Сантанхель. – Мы здесь не для того, чтобы испрашивать себе милости, а для того, чтобы указать вашему высочеству, каким образом в короне Кастилии мог бы засиять несравненный алмаз, перед которым померкли бы все остальные.

Торопливая, взволнованная речь Сантанхеля и смелость его слов удивили Изабеллу. Однако к его нраву она привыкла, а потому не выказала особого недовольствия.

– Разве у мавров есть еще одно королевство, которое можно завоевать? – спросила она шутливо. – Или, может быть, уважаемый сборщик церковных доходов предлагает поход на Иерусалим?

– Нет, вашему высочеству надо только принять со смирением и благодарностью ниспосланный свыше дар, а не отвергать его, – ответил Сантанхель, почтительно и нежно целуя протянутую ему руку, чтобы немного смягчить резкость своих слов. – Знаете ли вы, милостивая моя госпожа, что сеньор Христофор Колумб, на коего мы возлагали столько надежд, сегодня сел на мула и покинул Санта-Фе?

– Я этого ожидала, сеньор, хотя и не знала, что он уже уехал. Мы с королем поручили рассмотреть его предложение архиепископу Гранадскому и другим достойным советникам, и они нашли условия генуэзца столь дерзкими и непомерными, что согласиться на них – значило бы пренебречь нашим долгом и унижить наше достоинство. Тому, кто предлагает столь сомнительное предприятие, следовало бы вести себя поскромнее. Многие считают его просто безумцем!

– О нет, сеньора! – возразил Сантанхель. – Человек, готовый ради чести отказаться от самых своих сокровенных надежд, достоин всяческого уважения! Колумб понимал, что приносит вам целую империю, и требовал соответственной награды.

– Тот, кто недостаточно высоко ценит себя сам, не может ожидать высокой оценки от других, – добавил Алонсо де Кинтанилья.

– А кроме того, – продолжал Сантанхель, не давая королеве даже вставить слово, – о характере человека и о его намерениях можно судить лишь по его делам. Если он добьется успеха, разве его открытие не затмит все прочие? Обойти кругом землю следом за солнцем – разве это не доказательство премудрости Творца? А богатства, которые хлынут в Арагон и Кастилию? Ведь они же неисчислимы! Поистине я поражен: как могла государыня, обычно столь мудрая и прозорливая, отказаться от такого великого и славного дела!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.